12-я годовщина

ГИ200
0482Р

ЦЕНА 16 КОП.

ОКТЯБРЯ

ОКТЯБРЬСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ В ВОСПОМИНАНИЯХ УЧАСТНИКОВ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО 1929

„... ЗАДАЧА ТЕПЕРЬ В ТОМ, ЧТОБЫ ПРАКТИКОЙ ПЕРЕДОВОГО КЛАССА—ПРОЛЕТАРИАТА — ДОКАЗАТЬ ЖИЗНЕННОСТЬ РАБОЧЕГО И КРЕСТЬЯНСКОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА. ВСЕ СОЗНАТЕЛЬНЫЕ РАБОЧИЕ, ВСЕ, ЧТО ЕСТЬ ЖИВОГО И ЧЕСТНОГО В КРЕСТЬЯНСТВЕ, ВСЕ ТРУДЯЩИЕСЯ И ЭКСПЛОАТИРУЕМЫЕ НАПРЯГУТ ВСЕ СИЛЫ, ЧТОБЫ НА ПРАКТИКЕ РЕШИТЬ ВЕЛИЧАЙШИЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ ВОПРОС. ЗА РАБОТУ, ВСЕ ЗА РАБОТУ, ДЕЛО ВСЕМИРНОЙ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ ДОЛЖНО ПОБЕДИТЬ И ПОБЕДИТ“.

Ленин, т. XXII, стр. 66, г. изд. 1929.

12-я
ГОДОВЩИНА
ОКТЯБРЯ

ГИ200р
О-482

ОКТЯБРЬСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ В ВОСПОМИНАНИЯХ УЧАСТНИКОВ

1929
ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА—ЛЕНИНГРАД

1-й экз.

ИНВЕНТАРИЗАЦИЯ 2008

Содержание

		Стр.
1.	Календарь Октября 1917 г.	3
2.	В дни бури и натиска. *Г. Ломов.*	14
3.	Перед Октябрем. *В. Каюров*	37
4.	В Московском Совете и районах. *В. Соловьев.*	41
5.	Как было. *А. Аросев*	52
6.	Областное Бюро и В.-Р. К-т. *И. Стуков*	65
7.	В Городской Думе. *В. Подбельский*	74
8.	Кремлевский расстрел. *Носков.*	78
9.	Октябрьский бюллетень ЦК большевиков. *Бубнов.*	80
10.	Из недавнего, бесконечно далекого, прошлого. *К. Ворошилов.*	94
11.	Октябрьская революция в Иваново-Вознесенске. *Ф. Самойлов*	102

ГИ200 0482 Р

С.С.С.Р. ИНСТИТУТ К. Маркса и Ф. Энгельса Ц. И. К.

БИБЛИОТЕКА ИМЭЛ Спец. фонд

1054904 ССР 1848 329 30

Главлит № А-46679. А. 15. Гиз № 35472. Зак. № 2803. Тираж 100 000. 3½ л.

1-я Образцовая типография Госиздата. Москва, Валовая, 28.

Календарь Октября 1917 г.

24 (6).

Временное правительство приступило к осуществлению принятых в ночь на 24 октября решений. Все юнкерские училища приведены в боевую готовность. Стоявший на Неве крейсер «Аврора» с большевистски настроенной командой ночью получил правительственный приказ выйти в море. Министр юстиции Малянтович предписал судебным властям начать официальное расследование деятельности Военно-Революционного Комитета Петроградского Совета Р. и С. Д. По распоряжению Временного правительства закрыты газеты: «Рабочий Путь» — орган ЦК РСДРП (б), «Солдат» — орган военной организации ЦК РСДРП (б), стереотипы разбиты, типография и 8 000 напечатанных номеров газеты запечатаны.

Штабом военного округа изданы и опубликованы приказы: об отстранении и придании военному суду комиссаров Петроградского Совета, о воспрещении частям гарнизона выступать из казарм без приказа штаба округа, о доставке автомобилей в распоряжение штаба округа. Комиссаром Петроградского военного округа опубликовано воззвание с призывом сохранять спокойствие. Министром внутренних дел Ники-

[1] «Правда» № 225. 6—7 ноября 1927 г.

тиным разослано губернским комиссарам Временного правительства телеграмма о подавлении всяких попыток захвата власти.

В 12 час. дня в Зимний дворец прибыл женский добровольческий батальон. Около 3 час. дня на Дворцовую площадь прибыла легкая кавалерия. Нарядами юнкеров заняты правительственные учреждения, вокзалы, мосты через Неву; на углах больших улиц выставлены пикеты, которым предписано реквизировать автомобили. Днем по приказу главнокомандующего округом были разведены все мосты через Неву, соединяющие окраины с центром города, и выключены телефоны Петроградского Совета в Смольном. Вооруженные юнкера в ночь на 25 октября явились в д. № 6 по Финляндскому проспекту для ареста Ленина и редакции газ. «Рабочий Путь», но были сами арестованы Красной гвардией.

В Казани юнкера с броневиками напали на 2-й артиллерийский дивизион и обезоружили его.

Военно-Революционный Комитет выпускает к населению Петрограда обращение о возможности погромов и приводит список войсковых частей, где находятся комиссары ВРК, к которым надо обращаться за помощью: «Петроградский Совет берет на себя охрану революционного порядка от контрреволюционных и погромных покушений».

ВРК разослано всем комиссарам и полковым комитетам гарнизона «Предписание № 1»: «Петроградскому Совету РСД грозит опасность. Из окрестностей ночью контрреволюционные заговорщики пытались вызвать юнкеров и ударные батальоны. Закрыты газеты «Солдат» и «Рабочий Путь». Предписываем вам привести полк в положение боевой готовности и ждать дальнейших распоряжений. Всякое промедление

или неисполнение приказа будет считаться изменой революции».

Военно-Революционный Комитет предлагает всем комитетам, комиссарам и революционным организациям «заседать непрерывно, сосредоточивая в своих руках все сведения о планах и действиях врага», всем солдатам быть неотлучно в своих частях, корниловские эшелоны задерживать силой, крейсеру «Авроре» навести разведенный по приказу Полковникова Николаевский мост.

Воинские части, на которые полагается Временное правительство, отказываются ему подчиняться: самокатчики снялись с караула Зимнего дворца, 5-й самокатный батальон, вызванный Временным правительством с фронта, обращается за разъяснением к Совету — что делать; кронштадтский военно-сухоп. ком. отдает себя в распоряжение Совета.

Начинается. В 5 час. дня комиссары ВРК Пестковский и Лещинский заняли телеграф. В 9 час. вечера комиссар ВРК Старк с отрядом матросов занял Петроградское Телеграфное Агентство (ПТА). Ночью Бонч-Бруевич установил цензуру «Известий ЦИК» и «Известий Совета Кр. Деп.» и запретил печатать приказы штаба округа. ВРК дана в Кронштадт телефонограмма, предписывающая революционным силам Кронштадта выступить утром 25 октября в Петроград на защиту съезда советов. Дана условная телеграмма в Гельсингфорс о высылке воинских отрядов в Петроград на поддержку восстания.

В Москве на партконференции большевиков решено создать Военно-Рев. К-т.

На соединенном заседании Московских Советов Рабочих и Солд. Деп. принят устав московской Красной гвардии.

На заседании ЦК партии решено для налаживания связи делегировать т. Бубнова на жел. дороги, т. Дзержинского — на почту и телеграф, т. Милютина — на организацию продовольственного дела, т. Свердлову поручить организацию наблюдения за Временным правительством и его распоряжениями, т. Каменеву и Винтер (Берзину) — переговоры с левыми эсерами. *Меньшевики и правые эсеры попрежнему против восстания.* Меньшевик Гвоздев в предпарламенте «от имени пролетариата» (?!) заявляет, что рабочий класс не примет участия в восстании.

25 (7).

В ночь на 25 ВРК перешел в *решительное открытое наступление.*

В 2 ч. ночи заняты Николаевский и Балтийский вокзалы, некоторые мосты и осветительные учреждения.

В 3½ ч. ночи Николаевский мост занят моряками с «Авроры».

В 6 ч. утра занят Государственный банк.

Прибыли миноносцы, вошли в Неву.

В 7 ч. утра заняты телефонная станция и Дворцовый мост.

В 8 ч. утра — Варшавский вокзал.

Керенский мечется в поисках подкреплений и не находит их.

В 11 ч. утра освобождены из «Крестов» большевики Рошаль, Хаустов, Толкачев и др.

В Зимнем дворце беспрерывное заседание Временного правительства. На Кашкина возложены исключительные полномочия по водворению в столице «порядка». Полковников смещен, заменен ген. Багратуни.

После 12 ч. дня отряды Военно-Революционного Комитета начинают окружать Мариинский дворец (предпарламент).

Около 1 часу дня Мариинский дворец занят, предпарламент разогнан.

Занят Невский проспект Павловским полком.

Около 2 ч. дня прибыли из Кронштадта суда с 5 000 матросов.

Началась высадка матросов на берег для участия в осаде Зимнего дворца.

В 3 ч. 35 мин. открыто заседание Петроградского Совета. *Выступил Ленин.*

«Товарищи! — сказал он, — рабочая и крестьянская революция, о необходимости которой все время говорили большевики, совершилась.

«Какое значение имеет эта рабочая и крестьянская революция? Прежде всего значение этого переворота состоит в том, что у нас будет советское правительство, наш собственный орган власти, без какого бы то ни было участия буржуазии. Угнетенные массы сами создадут власть. Вкорне будет разбит старый государственный аппарат и будет создан новый аппарат управления в лице советских организаций.

«Отныне наступает новая полоса в истории России, и данная третья русская революция должна в своем конечном итоге привести к победе социализма.

«Одной из очередных задач наших является немедленная ликвидация войны. Но для того чтобы окончить эту войну, тесно связанную с нынешним капиталистическим строем, — ясно всем, что для этого необходимо побороть самый капитал.

«В этом деле нам поможет то всемирное рабочее движение, которое уже начинает развиваться в Италии, Англии и Германии.

«Справедливый немедленный мир, предложенный нами международной демократии, повсюду найдет горячий отклик в международных пролетарских массах. Для того чтобы укрепить это доверие пролетариата, необходимо немедленно опубликовать все тайные договоры.

«Внутри России громадная часть крестьянства сказала: довольно игры с капиталистами, — мы пойдем с рабочими.

«Мы приобретем доверие со стороны крестьян одним декретом, который уничтожит помещичью собственность. Крестьяне поймут, что только в союзе с рабочим спасение крестьянства.

«Мы учредим полный рабочий контроль над производством.

«Теперь мы научились работать дружно. Об этом свидетельствует только что происшедшая революция. У нас имеется та сила массовой организации, которая победит все и доведет пролетариат до мировой революции.

«В России мы должны сейчас заняться постройкой пролетарского социалистического государства.

«Да здравствует всемирная социалистическая революция!»

Принята резолюция об успешности восстания, о немедленном предложении мира, о немедленной передаче помещичьей земли крестьянству.

В 4-м часу заняты Полицейский мост и Казанская площадь.

В 5-м часу проводится окружение Зимнего дворца и занято помещение военного министерства.

В 9 ч. вечера начинается *обстрел Зимнего.*

В 10 ч. 40 м. вечера *открылся второй Съезд Советов.*

В 2 ч. 10 м. ночи Зимний занят, Временное правительство арестовано, офицеры и юнкера

обезоружены и отпущены под честное слово, что не будут выступать против советской власти.

Ночью возобновлено заседание Съезда Советов, на котором декретирован переход власти на местах к советам.

Контрреволюция ночью организует «комитет спасения родины и революции».

Левые эсеры — за захват власти, за единый революционный фронт, но против резкого осуждения колеблющихся; участвовали в ВРК и работах Съезда Советов (дали представителей в президиум съезда).

Эсдеки-интернационалисты («новожизненцы»)— за создание социалистического правительства; *остались* на съезде.

ППС (левица) *остались* на съезде.

Меньшевики-интернационалисты (группа Мартова) — против захвата власти, так как «этот переворот грозит вызвать кровопролитие и междоусобие»; за мирное разрешение конфликта: «Соглашение между восставшей частью демократии и остальными демократическими организациями об образовании демократического правительства, которое было бы признано всей революционной демократией и которому могло бы сдать власть Временное правительство безболезненно»; дважды заявили об уходе со съезда — второй раз об окончательном уходе было вновь повторено на заседании съезда 26 октября.

Меньшевики (и Бунд) против захвата власти, за «переговоры с Временным правительством об образовании власти, опирающейся на все слои демократии», отозвали своих представителей из Петроградского Совета, ушли со Съезда Советов, вошли в «Комитет спасения родины и революции». Петроградский комитет меньшевиков-оборонцев

выпустил воззвание, в котором призывает граждан сплотиться вокруг Временного правительства и отстоять его.

Правые эсеры — против захвата власти, за организацию сил, «в предвидении взрыва народного возмущения, неизбежного вследствие долженствующего обнаружиться краха большевистских обещаний..., дабы при грядущей катастрофе взять судьбы страны в свои руки»; ушли со съезда, вошли в «Комитет спасения». ЦК ПСР предложил членам партии эсеров выйти из ВРК.

Народные социалисты (н. с.) и с. д. группа «Единство» (группа Плеханова) вошли в «Комитет спасения».

В Москве организован Военно-Революционный Комитет.

Военно-Революционный Комитет дает распоряжение о занятии вокзалов, арсенала, почты, телеграфа, Госбанка и типографий.

Начинается разоружение юнкеров.

В Иваново-Вознесенске В. Р. Штаб занимает ж.-д. станцию, телеграф и телефон.

В Орехово-Зуеве то же.

В Богородске Московской губ. власть переходит в руки совета.

В Казани юнкера и броневики сдаются.

26 (8).

Революция победила. В ночь на 26 октября организован *временный военный штаб.* Военно-Революционный Комитет отдал распоряжение не допускать никаких передвижений войск в направлении к Петрограду. Всероссийский Съезд Советов выпустил обращение «К фронту», предла-

гающее всем армиям создать временные революционные комитеты, на которые возложить ответственность за сохранение революционного порядка на фронте. Военно-Революционный Комитет Петроградского совета Р. и С. Депутатов издал приказ об открытии всех торговых заведений и о переходе под контроль Военно-Революционного Комитета пустующих помещений и жилых квартир.

Организация советского правительства. Целый день проходило совещание ЦК партии большевиков и большевистской фракции Съезда Советов о создании советского правительства. Фракция левых эсеров отвергла предложение большевиков войти в состав формируемого правительства. По предложению *Ленина* принято решение о создании правительства *в составе одних большевиков.*

Вечером состоялось последнее заседание Всероссийского Съезда Советов. Решены вопросы: о мире, земле и создано временное рабоче-крестьянское правительство — Совет Народных Комиссаров.

По вопросу о *мире* Ленин огласил «Обращение к народам и правительствам всех воюющих стран», подчеркнув, что обращение должно быть направлено именно к правительствам и к народам, так как игнорирование правительств затянуло бы возможность заключения мира. *Декрет о мире* принят съездом единогласно.

По вопросу о земле Ленин огласил «*Декрет о земле*», немедленно отменяющий без выкупа помещичью собственность на землю и передающий все земли — помещичьи, удельные, монастырские, церковные со всем живым и мертвым инвентарем, постройками и принадлежностями — в распоряжение волостных земельных комитетов и уездных советов крестьянских депутатов, и наказ земельным комитетам, устанавливающий урав-

нительное землепользование, с объявлением земли всенародным достоянием, с правом каждого на землю и воспрещением наемного труда в сельском хозяйстве. «Декрет о земле» принят всеми голосами против одного при 8 воздержавшихся.

Последним вопросом был вопрос о власти. Фракция большевиков внесла предложение: «Образовать до созыва Учредительного собрания *временное рабоче-крестьянское правительство*, которое будет именоваться *Советом Народных Комиссаров*», и огласила состав правительства. Против предложения выступили объединенные интернационалисты и левые эсеры. Предложение большевиков принято большинством, и съездом *принят декрет об учреждении Совета Народных Комиссаров. Избран ЦИК* в составе 100 чел., из которых 70 большевиков. Утром 27 октября съезд объявлен закрытым.

Контрреволюция не сдается. Керенский с генералом Красновым выехал в Остров (штаб корпуса ген. Краснова). Отдан приказ о выступлении 3-го конного корпуса на Петроград. Выступившего на митинге казаков Керенского прерывали грубыми выкриками. Железнодорожники задерживают отправку эшелона казаков. Керенский назначил Краснова командующим армией, идущей на Петроград.

Переход власти в руки советов на местах. Собрание полковых и ротных комитетов *московского* гарнизона приняло резолюцию о признании советов единственной властью и о всемерной поддержке петроградских рабочих и солдат.

Объединенное собрание *московских* профсоюзов присоединилось к платформе Военно-Революционного Комитета.

Конференция фабрично-заводских комитетов *Замоскворецкого* района, совместно с районным советом, приняла резолюцию о передаче власти советам.

В Ревеле Военно-Революционный Комитет Эстонского края выпустил обращение ко всем солдатам, матросам, рабочим и всему населению Эстонского края с извещением о переходе к нему власти в Эстляндии.

Заседание *Псковского* совета Р. и С. Депутатов совместно с заводскими, ротными и полковыми комитетами постановило немедленно принять меры к остановке казачьих эшелонов, двинутых на Петроград.

Минский Совет Рабочих и Солдатских Депутатов издал приказ № 1 о переходе к нему полноты власти в городе и окрестностях.

На общем собрании *Киевского* совета Р. и С. Депутатов провозглашена советская власть в Киеве; избран Военно-Революционный Комитет.

В Екатеринославе 6 тыс. рабочих Брянского завода и 2 500 рабочих ж.-д. депо, главный дорожный комитет ж.-д. союза Екатеринославской ж. д., 228-й и 271-й полки, рабочие печного и эстампного завода в *Нижне-Днепровске* вынесли резолюцию о полной поддержке Петроградского Совета с требованием, чтобы Екатеринославский совет немедленно взял власть в городе в свои руки.

В Казани вся власть перешла в руки совета. Командующим войсками округа назначен член Военно-Революционного Комитета, выпущено воззвание к населению.

В Екатеринбурге по получении сообщения о свержении Временного правительства Исполнительный Комитет Совета Р. и С. Депутатов объявил себя единственной властью в городе.

В Уфе Исполнительный Комитет Совета Р. и С. Депутатов с представителями Совета Крестьянских Депутатов принял решение немедленно взять власть в свои руки.

Г. Ломов.

В дни бури и натиска [1].

На VI съезде нашей партии, происходившем 8—16 августа (26 июля—3 августа) 1917 г. в Петербурге в полулегальных условиях, я был избран кандидатом в члены ЦК нашей партии. Целый ряд наших товарищей, избранных в ЦК, сидел по тюрьмам, часть членов ЦК вынуждена была скрываться. Поэтому, хотя я и был кандидатом, сразу же после съезда вошел в состав Центрального Комитета.

Политическое положение было чрезвычайно напряженным и продолжало все более обостряться. В нашей партии и в ЦК боролись два течения: одни товарищи, во главе с тов. Лениным, стояли за форсирование вооруженного восстания, другие считали его преждевременным. Владимир Ильич в своем письме в ЦК из-под Петербурга, где он скрывался от ищеек Керенского, уже во время Демократического совещания предлагал ЦК призвать пролетариев и армию к оружию. Он предлагал всем большевикам-депутатам сейчас же разъехаться по фабрикам, заводам и казармам с призывом к немедленному восстанию.

Центральный Комитет Партии не согласился с Владимиром Ильичем, считая преждевременным итти на восстание. Но влияние и сила Владимира Ильича уже тогда были настолько велики, что мы боялись, как бы это письмо не попало

[1] «Прол. Рев.». № 10 (69). 1927 г.

к петербургским рабочим, в райкомы, Петербургский и Московский Комитеты, ибо это внесло бы сразу громадный разнобой в наши ряды. Центральный Комитет тогда постановил не опубликовывать этого письма т. Ленина даже в пределах партии. Авторитет Владимира Ильича был настолько велик в наших рядах, что мы боялись: если просочатся слова его к рабочим, то многие станут сомневаться в правильности линии всего ЦК.

Тт. Свердлов, Сталин и др. в Петербурге и тт. Бухарин, Осинский, Яковлева, я, Стуков — в Московском Областном Бюро нашей партии вели линию к решительной борьбе с правительством Керенского. На точке зрения «умеренных» в Ленинграде стояли Каменев и Зиновьев, к ним же примыкала часть москвичей.

Дни шли. События развивались.

В конце сентября в квартире меньшевика Суханова собрался Центральный Комитет нашей партии [1]. На этом собрании от москвичей присутствовали я и В. Н. Яковлева.

Мы едем из Москвы на заседание ЦК в Петербург. Нам поручено отстаивать линию на восстание во что бы то ни стало. Оба настроены нервно, обсуждаем, как держаться на заседании ЦК, подсчитываем все за и против, кто поддержит линию на восстание, кто будет против.

Ирония судьбы — мы оказываемся в одном купе с молодыми профессорами Чаяновым и другими, которые едут в Петербург по призыву Керенского в состав министерства; Чаянов приглашен на пост товарища министра, другие — также

[1] Конечно, сам Суханов об этом собрании ничего не знал: квартира нам была предоставлена женой Суханова — Галиной Константиновной, преданной большевичкой.

на различные ответственные должности. Они с упоением обсуждают ближайшие мероприятия, которые ими будут предлагаться. Со злобой и с какой-то иронией они говорят о большевиках. Они убеждены, что большевики будут раздавлены, что это — безнадежные утописты и, словом, какие-то ограниченные, странные люди. Долго мы крепимся и молчим с Варварой Николаевной, но когда кто-то из профессоров ляпает что-то сногсшибательное по адресу большевиков, мы не выдерживаем и устраиваем им баню. Впоследствии не раз и я и Чаянов вспоминали этот эпизод.

На заседание ЦК в парике пришел тов. Ленин. Грим и парик настолько изменили Владимира Ильича, что узнать его было совершенно невозможно даже нам, сталкивавшимся с ним не раз и за время революции и в предреволюционное время.

Совершенно неузнаваем был и скрывавшийся в то время т. Зиновьев. Он отрастил себе бороду, и, когда меня «знакомили»(!), я совершенно не представлял, кто это.

На этом заседании ЦК вопрос о восстании был подвергнут горячей дискуссии. Ленин, Свердлов, Сталин и мы, москвичи, решительно настаивали на резкой линии на восстание. Каменев и Зиновьев как-то неловко и слабо аргументировали в пользу необходимости всяческой оттяжки конфликта, доказывая нам утопизм, преждевременность вооруженного восстания, предрекая нашу изоляцию и т. д. Ленин подробно расспрашивал о положении на фронте. Суммируются все сведения, идущие от корпусов армий. Помню разбор всех сведений из Минска, всех сообщений Позерна. Каменев и Зиновьев сопротивляются как-то

безнадежно неудачно и в конце концов вяло умолкают.

Центральный Комитет нашей партии громадным большинством принимает решение энергично вести линию на восстание, с тем чтобы превратить первый же удобный конфликт в борьбу рабочих и крестьян за власть (10 — за восстание и 2 — против — Зиновьев и Каменев).

После этого восстание всюду энергично подготовлялось: Петербургский Комитет у себя, а мы — в Москве и области.

Мы знали о трудностях на этом пути.

Весь состав нашего Областного Бюро, до конца спевшийся во всех вопросах, разъехался по области во все крупные рабочие центры. Мы условились о том, как на случай призыва к восстанию мы дадим знать местным организациям, установили шифр, подготовили программу первых шагов восставшего пролетариата.

Недели за полторы до Октябрьского переворота Бухарин, я, Осинский, Яковлева и Смирнов собрались на нашей квартире на Большой Пресне и здесь после внимательной и энергичной дискуссии решили предложить Московскому Совету от лица Московского Областного Бюро призвать рабочих к проведению требований в жизнь помимо и против правительства Керенского. Областное Бюро и Московский Комитет одобрили этот план, и уже на следующий день Бухарин, Смирнов и я выступили в Исполкоме Московского Совета с предложением немедленно декретировать 8-часовой рабочий день от имени Московского Совета, декретом же ввести принудительное предоставление рабочим жилищ, с вселением пролетариев в буржуазные квартиры.

Мы предложили декретировать от имени Мо-

1054904
БИБЛИОТЕКА ИМЕНИ Спец. фонд
БИБЛИОТЕКА Ин-та марксизма-ленинизма при ЦК КПСС

сковского Совета удовлетворение всех требований бастующих кожевников, помимо согласия хозяев, с тем что при отказе хозяев рабочие должны были бы немедленно пустить в ход свои фабрики сами, захватывая их.

Я помню растерянность меньшевиков и эсеров на этом собрании. Они поняли, что большевики решили энергично вести линию на восстание. В ужасе они твердили свои ученые проповеди и в смятении перелистывали свои меньшевистские молитвенник и требник.

Эта линия, выработанная Московским Советом, была всюду принята. Учащаются конфликты.

Керенский, чувствуя, что положение становится критическим, переходит в наступление: у нас в Московской области его броневики и артиллерия начинают громить Калужский совет. Взрыв рабочего негодования был ответом на это.

Меньшевики и эсеры в Совете в полном смятении. Они пытаются уговаривать нас, они уговаривают кадетов и корниловцев. В то время, когда вокруг все кипит и бурлит, меньшевики растерянно бормочут об абсолютном спокойствии и выдержке. Характернейшим выражением паники и растерянности этих господ были заседания их Центрального Исполнительного Комитета. Я помню, как на одном из ответственных заседаний ЦИК, перед Октябрьским восстанием, их военный министр Верховский плакался перед ЦИКом о том, что своеволие солдат грозит окончательно развалить фронт. Выступавший очередной министр по вопросам хозяйства указывал на то, что оно трещит и расползается по всем швам. При анализе продовольственного положения указывалось, что катастрофа на носу. О железнодорожном хозяйстве министр путей сообще-

ния сообщил, что в декабре железные дороги должны стать.

Меньшевики стали прислушиваться к голосу Мартова, который требовал мира во что бы то ни стало. Но поток революции остановить было нельзя.

Как сейчас помню, мы поздно ночью в Питере разошлись с заседания ЦК. Я, Рыков и группа других товарищей «провинциалов», у которых не было подходящей ночовки, двинулись в наш книжный склад «Прибой», где полновластно царила Е. Д. Стасова — один из секретарей ЦК. Мы решили там переночевать на тюках с книгами.

Наше помещение ЦК отличалось по меньшей мере некоторыми странностями. Конечно на дверях не было вывески. Вы поднимались и останавливались перед дверью, на двух стеклах которой было чрезвычайно художественно выгравировано два больших креста. Оказывается, в этом помещении раньше находилась домовая церковь. И вот в этой-то домовой церкви расположился наш книжный склад «Прибой», а в одной из комнат его мы на кипах с книгами устроили себе «удобные» постели. В помещении было очень холодно. Никто из нас не хотел вставать утром к телефонному звонку — так хотелось еще немного поспать! Но телефон становился все нетерпеливее, звонил беспрерывно. Это из Смольного будили нас и сообщали, что против Смольного, ранее института благородных девиц, а теперь большевистского штаба, Керенский решил двинуть свои войска. Надо было спешить. Оказывается, ночью Керенский потребовал от Петербургского совета беспрекословного подчинения своим генералам и отправки солдат красного революционного Питера на фронт. Это было с негодованием решительно отвергнуто.

В 6 часов утра стало известно, что против нас двинули ударников и Ораниенбаумскую школу прапорщиков. Словно из-под земли вокруг Смольного появились орудия и пулеметы, стали стекаться рабочие и солдаты. Мы сейчас же двинули своих агитаторов против высланных частей, и последние, не дойдя до нас, постепенно растаяли. Сообщили о том, что охранники Керенского закрыли орган ЦК нашей партии «Рабочий Путь». Сейчас же посылаем один из верных революции полков нести охрану типографии газеты.

Тогда правительство Керенского решило применить новый метод: надо разобщить Смольный с рабочими окраинами. Повсюду разводятся мосты. Разведен даже Николаевский мост, несмотря на сопротивление рабочих. Но это обстоятельство не послужило на пользу Временному правительству. Когда Николаевский мост был разведен, наша большевистская «Аврора» прошла по Неве, остановилась против Зимнего дворца и направила дула своих орудий в упор против него.

Рабочие не дремали, и уже к 12 часам им удается снова свести мосты, и улицы уже запружены тысячными отрядами рабочих и солдат, спешащих на помощь Смольному.

Днем и вечером в Смольном чувствуется какая-то нерешительность: ни мы, ни Керенский не рискуем стать на путь окончательной схватки. Мы выжидаем, опасаясь того, что наши силы еще недостаточно подобрались. Правительство же Керенского, все больше разлагаясь, боится брать инициативу в свои руки. Какая-то нерешительность чувствуется у нас в Центральном Комитете. Все мы все время находимся в Смольном, в одной из небольших комнат первого этажа. На всех нехватает стульев, поэтому часть членов ЦК

расположилась полулежа на полу. Настроение какое-то выжидательное, словно еще должно что-то произойти, после чего и начнется настоящее восстание. В наших руках уже много правительственных учреждений, вокзалов. Настроение такое, что пожалуй надо немного «погодить», как бы «не зарваться».

Но вот появляется Ленин. Он попрежнему в парике. Его трудно узнать. Сразу, в течение минут, обстановка меняется. Ленин кипит и бурлит. Он издевается над нашей нерешительностью. Сейчас же надо дать все необходимые директивы, брать все здания, все правительственные учреждения, все вокзалы, телефон и телеграф в свои руки, пользуясь нерешительностью правительства Керенского.

С этого момента — колебаний и осторожности как не бывало. ЦК партии внизу, Военно-Революционный Комитет во главе с Молотовым и Овсеенко наверху звонят во все районы, требуют энергичного наступления. Получаются отовсюду сведения о переходе к нам частей, о захвате новых зданий, вокзалов, правительственных учреждений.

Ночью — так около 3 часов утра — положение совершенно определилось: фактически власть находилась в наших руках. Надо было формировать правительство. Надо было налаживать деловую революционную работу. Еще слышалась стрельба. Еще сидело министерство Керенского в Зимнем Дворце, но они были уже политическими мертвецами.

Рабочая революция вздымала на своих волнах новых деятелей, в буре и натиске рождалась новая эпоха в истории человечества.

Как происходило формирование новой власти, нового правительства?

Наше положение было трудным до чрезвычайности. Среди нас было много прекраснейших высококвалифицированных работников, было много преданнейших революционеров, исколесивших Россию по всем направлениям, в кандалах прошедших от Петербурга, Варшавы, Москвы весь крестный путь до Якутии и Верхоянска, но всем надо было еще учиться управлять государством. Каждый из нас мог перечислить чуть ли не все тюрьмы в России с подробным описанием режима, который в них существовал. Мы знали, где бьют, как бьют, где и как сажают в карцер, но мы не умели управлять государством и не были знакомы ни с банковской техникой, ни с работой министерств.

Я помню одну сценку, живо врезавшуюся мне в память. В далеком коридоре Смольного, на 2-м этаже, в полумраке т. Ленин поймал очередную свою жертву — кажется, это был т. Менжинский: Ленин прочно ухватил Менжинского за пуговицу и, несмотря на все его попытки выскользнуть, не пускал от себя. Ленин напирал на то, чтобы Менжинский был немедля назначен народным комиссаром финансов.

Желающих попасть в наркомы было немного. Не потому, чтобы дрожали за свои шкуры, а потому, что боялись не справиться с работой. Ленин энергично искал кандидатов в наркомы и на ответственные посты. И после этого ЦК тут же оформлял очередное назначение. Разногласий никаких не было.

Каменев и Зиновьев как-то помалкивали, стихли.

Я не присутствовал при формировании первого Совнаркома. Мне рассказывали о том, что все народные комиссары стремились всячески

отбояриться от назначения, старались найти других товарищей, которые могли бы с бо́льшим успехом, по их мнению, занять пост народного комиссара.

Пользуясь моим отсутствием, т. Рыков, на которого начали взваливать, помимо звания народного комиссара внутренних дел, еще и Комиссариат юстиции, предложил в народные комиссары юстиции меня. И так как я был далеко, а народного комиссара юстиции так-таки и не было, то в состав первого Совнаркома ввели и меня.

Утром, после того как власть фактически оказалась в наших руках, собрался II Съезд Советов. Помню, выступал т. Ленин решительно и горячо; он кратко (ведь некогда болтать, надо было руководить восстанием) предложил от имени ЦК свои знаменитые воззвание и декреты о земле, об установлении советской власти и т. д. Меньшевики испуганно ворчат, кричат, протестуют против нас, «захватчиков», у которых руки в крови и пр. Они шумно встают, протестуют против обстрела Зимнего дворца и, растерянные, но громко протестующие, кричащие и в то же время жалкие и хнычущие куда-то уходят из Смольного. Зал провожает их шумно-иронически.

В то время когда в Военно-Революционном Комитете и в ЦК нашей партии неослабно бился пульс революции, коридоры Смольного были переполнены снующей массой рабочих, красногвардейцев и солдат. Пулеметные ленты, револьверы, винтовки, — все это куда-то стремится, бешено несется. Грузовики, отчаянно фыркая, летят, переполненные вооруженными красногвардейцами. Вдали слышатся выстрелы. В толпе меня ловит мой старый товарищ по ссылкам — один из крупнейших работников ППС — т. Ла-

пинский. Он еще не осмыслил переворота. Он еще не до конца убежден в правильности захвата власти. Но чувствуется, что он идет к нам, правда, в каком-то смятении. Он пытается угнаться за событиями, понять их, но это ему еще трудно.

А вот мелькает другой товарищ. Мы с ним раньше много и долго работали в партии. А теперь он пришел мрачный в Смольный, бегает от одного товарища к другому и никак не может определить своего места в перевороте. Один из моих друзей, крупный ученый, который только что пришел в Смольный и заявил, что он окончательно стал на почву переворота и теперь порывает со всем прошлым, рассказывал, что он видел этого товарища недавно таким же мятущимся, так же бегающим и таким же растерянным, как и сейчас, у эсеров и меньшевиков, о чем-то договаривающимся с ними.

Смольный кипел, Смольный жил, Смольный формировал новый порядок. Он переваривал в своем котле колеблющихся и сомневающихся для того, чтобы назавтра выкинуть из своих коридоров новые кадры революционеров-бойцов, смелых и решительных агитаторов, тысячи пропагандистов, новых красногвардейцев, новых вождей.

Еду на Николаевский вокзал. До поезда, — вернее, до паровоза,— остается часа полтора. Иду на Невский. Захожу в первое попавшееся кафе. Пью крепкий кофе и вспоминаю все величие и вместе с тем потрясающую простоту прошедшей ночи. Вдруг вижу — ко мне подходит один из тех, кого я всегда считал моим лучшим учителем — Иосиф Петрович Гольденберг-Мешковский. В первой революции 1905 г. и после нее он имел на меня определяющее влияние. Пламенный трибун, умница, он был тогда членом ЦК большеви-

ков. Мы с ним встречались и за границей, и в Саратове, и в Питере — встречались в годы революции и в годы реакции. Это был обаятельный революционер, преданный партии до конца. Несмотря на это, именно он был нашим крупнейшим противником в период подготовки Октября и в Октябре. Он был растерян. Почти всю свою сознательную жизнь он шел вместе с партией большевиков. Учил меня, учил других, звал к перевороту, и, когда пришел переворот, он не принял его, думая, что это авантюра, бессмысленное пролитие крови, что это не восстание рабочих, а восстание кучки безумцев. Он решил уехать из России, где победил пролетариат. Он нас считал какими-то анархистами. Он ехал в Европу для того, чтобы уйти от этого «бланкизма», умыть руки от «большевистских безумств».

С какой-то болью он смотрел на меня своими прекрасными вдумчивыми глазами. Я видел, чувствовал громадный надлом этого человека, мозг которого не мог очевидно воспринять величия движения, величия нашей победы.

Только по прошествии 3 лет после переворота он снова пришел к нам и вместе с нами боролся и строил республику Советов, пока не умер как честный пролетарский боец в рядах нашей партии.

●

Стучат колеса паровоза... Мы бешено несемся в Москву. Несмотря на то, что последние две ночи как-то не пришлось спать,— заснуть невозможно... Что-то там, в Москве? Почему там затягивается восстание? Неужели Москва и провинция не поддержат победивший Петербург? Как работают наше Областное Бюро и Московский Комитет?..

Для меня ясно, что положение в Москве гораздо сложнее, чем в Питере. В Петербурге Совет Рабочих Депутатов и Совет Солдатских Депутатов — это были две части одного целого, это был один лагерь революции. В Москве не так. Насколько крепок и решителен Совет Рабочих Депутатов, настолько далека головка Совета Солдатских Депутатов от нас. Исполком Совета Солдатских Депутатов — это меньшевики Шубины, эсеры Шмерлинги, готовые на предательский удар из-за угла, которые пойдут против нас на все...

Как-то там наши товарищи справляются с подготовкой восстания?..

Вот и Москва. С вокзала мчусь в Совет. В состав Московского Военно-Революционного Комитета, который только что сформировался, входили, насколько я помню, Усиевич, Муралов, я, Смирнов, Аросев и ряд других товарищей. Положение гораздо труднее, чем в Петербурге. Как я и ожидал, меньшевики и эсеры — объединенцы — путаются в ногах, по рукам и ногам связывая растущее движение рабочих, крестьян и красногвардейцев. Исполком Солдатских Депутатов не наш. Это — та контрреволюционная организация, которая всячески разлагает солдатские массы и формирует юнкеров и офицеров против нас. Москва — это два лагеря: Московский Совет и Городская Дума во главе с Рудневым. У белых сидят Шубины, Шмерлинги, исполком Совета Солдатских Депутатов. У нас из вооруженных солдатских отрядов — смелые, славные двинцы. У нас нет артиллерии, нет пулеметов, нет броневиков.

Железнодорожные служащие нерешительны. Правда, по всем железным дорогам организованы ревкомы, но сила их пока еще не выяснена.

Еду на Курскую ж. д. на большое собрание. Меня встречают товарищи из ревкома. Бурное собрание; мы ведем свою линию. Викжель «викжелит» во-всю. Но главное, что нужно для победы, — молодые, полные энтузиазма рабочие, крепкие ревкомы — налицо. «Наши» готовы на все. Таково положение на каждой железной дороге.

На заседании центрального ревкома «объединенцы» начинают свою безнадежную канитель. И откуда они выкопали столько партий, о которых я ничего не слыхал. Если появлялся с каким-нибудь протестом т. Кузовков (теперь уже давно большевик), то он обязательно начинал свой протест с заявления, что он представляет 8 или 9 социалистических партий. Я их и тогда никак не мог запомнить, а теперь тем более. Тогда их роль была близка к нулю, а теперь я боюсь, что их не перечислить даже и самому т. Кузовкову.

«Объединенцы» и часть большевиков настаивают на всяческой оттяжке вооруженного столкновения. Выдвигаются тысячи всяких проектов примирения; но на нас давят не столько «объединенцы», сколько отсутствие организации революционных кадров солдатских масс. Мы не уверены в том, на какие силы мы можем рассчитывать в солдатском лагере, получим ли мы во-время артиллерию и пулеметы.

Ревком делегировал меня и т. Ногина (тогда председателя Московского Совета) в штаб контрреволюции, к рудневцам, для переговоров. Мы приезжаем в Московскую Думу. Все коридоры и залы наполнены офицерней, юнкерами. Мелькают штатские фигуры прокурора Сталя, многих видных промышленников и торговцев. Как полагается, адвокаты ораторствуют, — тут большой парламент. Глубоко отвратительное впечатление!

Резкая противоположность тому, что ты видишь в Московском Совете, наполненном грязными кепками, рабочими блузами да солдатскими гимнастерками.

Господа прокуроры, Руднев и компания, пытаются изобразить власть. Жалкие слова, жалкие речи... Мы плюем с Ногиным на все разговоры, демонстративно обрываем на полуслове объяснения, едем обратно в такой свой Московский Совет. По дороге злобные выкрики, револьверные и винтовочные выстрелы юнкеров провожают нас. Это предметные уроки на тот случай, если бы революционные рабочие попали в лапы к этим господам.

Через час после этого разговора с Рудневым телефонный звонок от последнего. Он требует немедленной и безоговорочной сдачи Московского Совета, в противном случае юнкерье обстреляет Совет. Резко обрываем разговор и организуем оборону Совета. Телефон умолкает. Белые выключают Совет из телефонной сети. Война началась!

Созываем наш политический центр и на нем постановляем немедленно призвать рабочих к всеобщей забастовке, к немедленному наступлению от рабочих окраин на помощь Совету. Часть товарищей (Яковлева, Ярославский и др.) — наш партийный центр — отправляем в рабочие районы.

Для начала у нас все как-то не ладится: оружия мало, пулеметов еще меньше, артиллерии все еще нет. А в это время у белых масса пулеметов, есть броневики, крепкие юнкерские части.

Из районов появляются красногвардейцы, но их пока еще только сотни. Член ревкома т. Смирнов, бывший артиллерист, отправляется сам на Ходынку с тем, чтобы подвести несколько батарей к Совету. Но пока что у нас нет солдатских частей, мало рабочих-красногвардейцев.

Ночь тревожна и тяжела. Совет обстрелян броневиками. Наскоро роем лопатами канавы, разворачиваем мостовую с целью предупредить возможность нового обстрела. Суетящийся т. Орехов куда-то несется, а за ним десятки пролетариев. Кольцо юнкеров все больше сжимается вокруг Совета. С рабочими Московский Совет может сноситься с большим риском. Начинают раздаваться в ревкоме голоса о том, что следует оставить здание Московского Совета и перейти на рабочие окраины. К этому мнению решительно присоединяется т. Ногин, утверждая, что мы здесь обречены на гибель и дальше бессмысленно оставаться. Большинство решительно отвергает эту точку зрения. Ногин и другие товарищи уходят из Совета. Нас остается меньше.

Ночь проходит спокойно. Очевидно у юнкеров нет сил для открытого нападения на Совет.

Почему юнкера не атаковали нас в тот момент, когда мы были наиболее слабы и безоружны в Московском Совете?

Прежде всего у них самих не было твердости и энергии. Несмотря на то, что формировались они главным образом из интеллигентов, они были безнадежно отсталыми и безграмотными в политике. Достаточно привести такой случай: утром, когда положение стало изменяться резко в нашу пользу, я отправился в один из рабочих районов пешком, пересек Арбат и направился к Крымскому мосту. По дороге я был задержан юнкерами как подозрительный человек. Они потребовали удостоверения. Я вынужден был достать из кармана единственный документ, который у меня был, о том, что я являюсь членом ЦК большевиков. Я был совершенно спокоен. Подал документ с видом человека, чувствующего свою правоту.

Юнкер, повертел его у себя в руке и возвратил мне, предложив спокойно итти, но только не вверх по Арбату. Это было тем более удивительно, что уже на всех столбах был расклеен состав Совнаркома, в котором я был комиссаром юстиции...

В котле революции, на практике, лучше всего проверяется революционная закалка.

Вот в Совет забрел Станислав Вольский — когда-то пламенный трибун, которого знали и любили все рабочие Москвы, Иваново-Вознесенска и Московской области. Его слова были всегда как бы набатным призывом к борьбе... А теперь он, как жалкая затерянная тряпка, рыдает вон там на кресле, а около него стоит Ломтатидзе — вчера колеблющаяся объединенка, а сегодня твердая большевичка — и отчитывает его своими огненными, негодующими словами, такими «настоящими», достойными настоящей революционерки. Станислав Вольский, жалкий и растерянный, навсегда уходит от нас...

Когда ревком переживал особенно тяжелые минуты, вдруг в Совете появились мрачные фигуры левых эсеров — Черепанов, Магеровский и др. Они пришли и загробным голосом сообщили нам о том, что они решили «умирать» вместе с нами. Это были веселые минуты. Мы так и не могли понять этих романтиков и дон-кихотов. Мы скоро забыли про них, а они так и просидели все восстание очень скромно в одной из комнат Моссовета, изредка спускаясь узнать, сколько времени остается до момента их «гибели».

Не все левые эсеры были такими. Юрий Саблин был одним из героев штурма градоначальства. Он был дважды ранен. Его любили все. Весь наш секретариат навещал усердно раненого, и о Юрочке шептались по всем углам.

Прекрасно держался Иннокентий Стуков. Он был мрачен, как всегда, громил дряблость и осторожность товарищей, с каким-то остервенением нападая на растерявшегося Ногина. В противоположность мрачной, обличающей фигуре Стукова, Гриша Усиевич стремительно куда-то всегда летит, кидая на ходу веселые, бодрящие, такие близкие всем нам слова.

Давно ли мы с ним в мрачные тяжелые годы реакции представляли Исполнительную Комиссию Петербургского Комитета, жили нервной жизнью подпольщиков, окруженные провокаторами. Как было трудно тогда сохранить себя живым революционером среди измен, предательств и безнадежной обывательщины, ползущей на тебя со всех сторон. Но с Гришей было просто и весело преодолевать такие неожиданности и сюрпризы, о которых не снилось и во сне. Теперь Гриша — один из главнейших наших военных организаторов. Его знает вся Ходынка. Именно он — один из организаторов «девятки». Ему же после победы был поручен доклад от имени ревкома на первом заседании Совета, собравшемся после победы. И он сделал свой доклад блестяще. Подслеповатый, в очках, сутулящийся, он таки сиял перед лицом восторженных делегатов, вчерашних бойцов, сегодня торжествующих победителей.

Скоро наше положение резко меняется: все рабочие, как один, стали на нашу поддержку, солдаты всюду примкнули к нам.

Глава нашей разведки, молодой т. К. Г. Максимов, весел и попрежнему бодр. Несясь к себе наверх, он по дороге издевается над мрачным видом кого-нибудь из товарищей и на ходу подбадривает уставших товарищей. Его молодой «корпус» разведчиков отовсюду приносит добрые вести.

Ходынка грохочет артиллерийскими выстрелами. Геройские рабочие районы ведут наступление со всех сторон на центр. Впереди всех Замоскворечье. Рабочие красногвардейские отряды из области отовсюду спешат на помощь Москве. Как ни «викжелят» железнодорожные викжелевцы, поезда на помощь к нам прибывают. Из Тулы на автомобилях доставлены пулеметы. Еще чувствуется недостаток артиллерии и неуменье ею управлять.

Во главе наступающих рабочих отрядов Замоскворечья — крупный профессор-астроном Павел Карлович Штернберг, энтузиаст-революционер, начальник Красной гвардии района.

Он посвятил большую часть своей жизни астрономии. Вот он — высокий, с большой седеющей бородой — занят какими-то сложными вычислениями. Казалось, он не может думать ни о чем другом, кроме небесных светил. Но это только казалось. Когда он снимал свое пенсне и на вас глядели его ясные, горячие, такие молодые глаза, когда они загорались негодованием и ненавистью к насильникам и мракобесам, — становилось ясным, какое сердце бьется в груди на вид такого типичного профессора П. К. Штернберга. Его хватало на все. Сейчас он занят своей обсерваторией, а уже через минуту он носится со своей любимой дочуркой. Среди нас он всегда идет влево. Он за линию на восстание, которое надо тщательно подготовлять, и все мы чувствуем, что это не фраза, это продуманная, выношенная мысль.

И он готовился к восстанию и подготовлял его. Оно не застало его врасплох. Он — командующий наступающими отрядами красногвардейцев самого революционного из наших районов — Замоскворечья.

С развевающимися седыми волосами профессор, которого знает вся интеллигентская Москва, в открытом автомобиле с красной повязкой командующего Красной гвардией носится по Москве, воодушевляя наступающие отряды пролетариев.

Когда надо достать снаряды, орудия, пулеметы, — надо скорее посылать к Павлу Карловичу. У него найдется или он найдет. Вокруг него работа кипит. С ним как-то весело и легко работается. На лицах пролетариев гордость — у нас свой профессор, да какой боевой!

Павел Карлович — всюду, где нас жмут, где затруднения. Вон притащили орудия, надо громить ворота Кремля, а никто не умеет с ними обращаться: как на зло нет хороших артиллеристов. Павел Карлович уже у орудий. Он что-то вычисляет, припоминает, и через несколько минут орудия посылают снаряды в ворота Кремля, руководимые рукой профессора-революционера, который никогда из-за небесных светил не забывал великого движения пролетариата.

Павел Карлович Штернберг и Михаил Николаевич Покровский — два преданнейших бойца-революционера в грохоте Октября, борясь плечом к плечу с рабочими России за социализм, явили в те дни великий символ труда и науки, братски сплетенных в борьбе за строительство нового общества.

Когда раздались первые залпы, когда М. Н. Покровский увидел тысячи восставших рабочих и озверелую офицерню, — он пришел в Ревком и волнующе просто и коротко заявил о том, что предоставляет себя целиком в распоряжение партии и Ревкома, он весь с восставшим пролетариатом и во время боя он хочет быть рядовым бойцом, дерущимся плечо к плечу вместе с восставшими рабочими.

Мы сейчас же двинули тов. Покровского одним из редакторов «Известий Ревкома».

За это вначале так ненавидели красных профессоров-революционеров вся буржуазия и все афинские совы с Моховой. За это рабочий класс особено полюбил их.

Опытных артиллеристов у нас еще мало. Первый выстрел артиллерии, которой мы громили Алексеевское военное училище, дал перелет, по рассказам очевидцев, примерно этак на 12 верст. Если посмотреть на артиллерийскую стрельбу от Страстной площади по направлению к Никитским воротам, то надо было поражаться неуменью вести обстрел.

Важнейшим нашим минусом была неорганизованность революционно-солдатских масс. Мы только в процессе восстания начали формировать органы руководства солдатской массой. Вместо белогвардейского и контрреволюционного Исполкома Солдатских Депутатов была сорганизована уже в процессе восстания солдатская «девятка». Усиевич все силы своего революционного темперамента и недюжинных организаторских способностей прилагал к тому, чтобы эта «девятка» была полнокровной, пользовавшейся доверием всех солдат. Это нам более или менее удалось. Однако надо сказать прямо, что ее авторитет не мог сразу вырасти и сложиться в крупнейшую силу. Он рос только постепенно, а вместе с этим вносилось все больше и больше планомерности и организации в движение солдатских низов.

Взято градоначальство. Разгромлено Алексеевское военное училище. Заняты здания всех вокзалов. Еще обороняется телефонная станция. Наши отряды без решения ревкома не отваживаются атаковать телефонную станцию и не хотят начать

артиллерийский обстрел ее. Приходят за директивами. Одновременно появляется и т. Кузовков — «представитель» 8 социалистических партий. Он произносит энергичную речь о том, что рушится культура, идет разгром производительных сил страны. Одним словом, нельзя никак атаковать московскую телефонную станцию, ибо тогда погибнет московский телефон. Я от имени Ревкома тут же даю директиву немедленно начать обстрел телефонной станции — атаковать и выгнать белых. Через полчаса телефонная станция в наших руках, а забаррикадировавшиеся белые взяты в плен.

На всякий случай нами было решено установить прекрасную французскую артиллерию на Воробьевых горах и навести орудия на Кремль. Если белые не капитулируют, артиллерия должна была быть пущена в ход.

Мне еще раз пришлось встретиться с белыми, на этот раз на Садовой, 10, в губернской управе. Как сейчас помню левых эсеров — каторжанок Биценко, Пигит и др., которые растерянно сновали от нас к эсерам, уговаривали прекратить кровопролитие. Они не понимали ничего в происходящих событиях, не понимали, из-за чего идет борьба.

Представители белых на этот раз держались совсем по-иному. Якулов и другие представители офицерства и юнкеров держались скромно, они уже признавали свое поражение и старались выговорить условия, на которых можно положить оружие.

Отовсюду тысячи известий о победе.

Рабочие всей области по условленной телеграмме-шифровке — призыву Областного Бюро нашей партии — в один и тот же день восстали. Рабочие, железнодорожники — все были с нами.

Фронтовики, казаки, уланы по приезде в Москву, после встреч с нашими агитаторами, отказывались действовать против нас. Рабочие районы смелым наступлением со всех сторон сжимали юнкеров тесным кольцом.

Революция побеждала, белые были раздавлены. Судьба победившего Питера решалась на баррикадах и на многострадальных улицах Москвы. Эти бурные дни борьбы и натиска в Москве в значительной мере предопределили исход революции по всей России.

Наступает момент капитуляции. Муралов, Аросев и другие товарищи разоружают юнкеров около Александровского училища. Формируется новая московская власть. Москва в наших руках. Москва рабочая, Москва солдатская переполнена брызжущей энергией и энтузиазмом. Но на пути ее другая Москва — озлобленная, ушедшая в себя, не признающая этих идущих «из грязи» большевиков. Эта Москва срывает, саботирует, борется не на живот, а на смерть. Не победив в открытом бою, она хочет медленно и тихо сдавить кольцом шею победивших рабочих, солдат и крестьян. Я как сейчас вижу растерянно негодующие толпы интеллигентов и буржуа, читающих приказ о назначении *солдата* Муралова командующим Московского округа и недоуменно вопрошающих друг друга: «А этот солдат Муралов грамотный?» Нужна упорная работа по овладению аппаратом власти. Нужна национализация фабрик, заводов, банков. Нужно строить советский аппарат. Нужно выдвигать новых толковых руководителей всех сторон жизни и хозяйства.

Слышатся жалкие причитания меньшевиков, но на них никто не обращает внимания.

Собирается Московский Совет, он с энтузиаз-

мом приветствует Ревком, выбирает Исполком Советов. Начинается новая полоса — полоса творчества и строительства

В. Каюров.

Перед Октябрем[1].

На протяжении семи месяцев эсеро-меньшевистского пустословия в Сов. Р. и С. Деп. рабочие, имея в своих руках некоторую часть вооружения, несколько раз пытались покончить с Временным правительством Керенского. В этом отношении особенно проявил себя в Петербурге большевиствующий Выборгский район, насчитывавший до 70 тысяч рабочих, главным образом металлистов. Наша партия, имевшая в то время до семи тысяч членов в районе, пользовалась сочувствием большинства населения и солдат, завоеванных нами после упорной борьбы с эсерами. Такой сгусток революционной силы, с одной стороны, вселял в рабочую массу большую уверенность в победе, а, с другой стороны, приобрел неприязнь Керенского и К°.

Члены других партий не имели никакого влияния на массы. Им приходилось выступать не от имени своих партий, а подыгрываться перед массой под большевистскую программу или еще «левей». Нужно добавить, что это относится исключительно к рабочей части меньшевиков и эсеров, а не к «гастролирующей» интеллигенции, которую на Выборгскую сторону совсем не пускали.

Выборгский район пользовался особенным вниманием Владимира Ильича, который придавал ему громадное значение в надвигающихся собы-

[1] «Пролет. Рев.» № 3 (26). 1929 г.

тиях. В том же районе работала Надежда Константиновна Крупская.

В первой половине октября, в одно из заседаний районного комитета партии с ответственными работниками района, Надежда Константиновна, позвав меня в другую комнату, передала под строгим секретом лист бумаги от Ильича, отпечатанный на машинке. После собрания, ознакомившись с содержанием этого письма, я решил на другой же день пригласить известных району и преданнейших революции товарищей рабочих для ознакомления с письмом. Пришли следующие товарищи: *Куклин, А. С.* (завод «Старый Лесснер»), *Гордиенко, И. М.* («Нобель»), *Чугурин, И. Д.* («Айваз»), *Ильин-Содман* («Русский Рено»); остальных не помню.

В этом историческом документе Владимир Ильич писал, *что момент захвата власти большевиками наступил и что захват может совершиться почти без кровопролития, так как керенщина настолько себя скомпрометировала, что из 100 99 шансов — за успех.* Дальше излагался план захвата. По прочтении письма водворилось продолжительное молчание, сопровождавшееся удивленным посматриванием друг на друга. Надо сказать, что поставленный Ильичем в порядок дня вопрос о захвате власти не был для нас неожиданным, но тем не менее перед нами встал вопрос другого характера, *конкретный*: если ранее рабочие и стремились к захвату власти, то большинство из нас не вдавалось глубоко в *содержание и последствия захвата.*

Теперь же для всех стало ясно, что власть может оказаться завтра в наших руках, и у каждого стал в голове вопрос — что мы будем делать с властью при весьма сложной мировой и

тяжелой внутренней обстановке — война, революция, голод в городах, деморализация десятимиллионной армии, контрреволюция и пр.?

Первый высказал свое «возмущение» т. Кучменко «поспешностью» Ильича в таком серьезном и щекотливом деле. Тов. Куклин подтвердил «привычку» Ильича «огорошивать» сразу. Мне, познакомившемуся с письмом за сутки раньше остальных товарищей, не пришлось быть «огорошенным». Поэтому, дав присутствующим несколько притти в себя, я предложил не дискуссировать, а немедленно перейти к обсуждению тех или иных мероприятий, связанных с вопросом о захвате власти, а именно: военной подготовки рабочих со стороны технической и создания руководящего революционного аппарата (если будет необходимо, то этот аппарат должен будет возглавлять предстоящее выступление). Предложение было принято.

По нашему мнению в предстоящем выступлении доминирующими вопросами явятся военный и продовольственный; особенно остро стоял последний. Военный вопрос в районе обстоял благоприятнее, чем продовольственный. Обучение рабочих на заводах и фабриках шло быстрым темпом, вооружения было достаточно, солдаты, стоявшие в районе, были уже почти целиком на нашей стороне. Поэтому формирование аппарата мы начали не совсем обычным порядком: «первым был назначен комиссар продовольствия т. Кучменко, он же и комендант города; на второй пост — военный — наметили весьма энергичного и популярного в нашем районе Кирилла Орлова (состоявшего до тех пор начальником Штаба Красной Гвардии) и в помощь ему т. Гордиенко, т. Чугурина — комиссаром труда; к Надежде Констан-

тиновне перешло просвещение, а все городское хозяйство Выборгской стороны было сосредоточено в руках т. Л. Михайлова («Политикус»); Скороходов, Куклин и я получили общее руководство; т. Ильин-Содман был назначен начальником партизанских отрядов, ему же поручена была охрана мостов и пр. в этом роде.

Итак *первое рабочее революционное правительство*, как его в шутку называли, было сформировано; оно должно было, по моему тогдашнему политическому уразумению, объявить себя, на случай изъятия контрреволюцией наших вождей, правительством страны. На другой день были закуплены географические карты Петербурга и красовались во всю стену в кабинетах Выборгского Исполкома; перед ними мы часто засиживались по ночам, изучая подступы и уязвимые места, главным образом Выборгской стороны. По нашим предположениям Выборгский район, в случае неудачи восстания, должен был сдаться последним. Ключи от мостов были захвачены т. Ильиным-Содманом. И когда распространился слух, что контрреволюционные банды и правительственные войска направляются громить Выборгскую сторону, то т. Михайлов объявил тогдашнему эсеровскому городскому голове Шрейдеру, что если он, т. Михайлов, в течение часа не получит через посредство Шрейдера официального заверения правительства, что оно не допустит нападения на Выборгский район, то он разведет и поднимет все прилегающие к Выборгской стороне мосты, и прибавил, что пролетарские массы найдут дорогу в центр города и без мостов.

На счастье Октябрьской революции захват власти произошел более просто, чем мы ожидали. В этом случае Ильич в своих подсчетах оказался

прав: Октябрьский переворот в Петрограде, этой главной цитадели революции, совершился почти без кровопролития.

В. Соловьев.

В Московском Совете и районах[1].

Напряженные дни переживала Москва.

В десятых числах октября московскими партийными организациями (Областным Бюро, Московским Комитетом и Окружным и Губернским Комитетами Партии) была получена директива Центрального Комитета Партии о «курсе на восстание».

В самой Москве был произведен ряд совещаний активных работников, и к середине октября отдельные меньшевики доверительно допытывали нас, большевиков:

— Да скажите же наконец нам, когда назначено выступление?

Нужно было начинать действовать, и когда днем 25 октября ст. стиля пришли первые сведения о начавшемся восстании в Петербурге, к вечеру было созвано соединенное заседание Совета Рабочих и Солдатских Депутатов для избрания Военно-Революционного Комитета.

Одновременно по партийной линии, в целях объединения работы большевистских партийных организаций, был создан «партийный центр». В него вошли: от Московского Комитета — М. Владимирский и Осип Пятницкий, кандидатом — В. Подбельский, от Окружного (Губернского) Комитета — В. Соловьев, кандидатом —

[1] «Прол. Рев.» № 10(33). 1924 г.

Т. Сапронов, от Московского Областного Бюро Партии — И. Стуков и В. Яковлева, кандидатом— И. Кизельштейн.

Начались страдные дни. Москва стала готовиться к бою.

●

Вечер первого дня. Здание Московского Совета. Маленькая витая железная лестница, ведущая на 3-й этаж. В первой комнате — партийная пятерка, рядом заседает Военно-Революционный Комитет. С утра решаем объявить всеобщую забастовку. В.-Р. Комитет сейчас же подтверждает это решение, отдается распоряжение о выпуске воззвания, начинают передавать телефонограммы по районам, но и только... А дальше?

Выплывает вопрос о газетах. Ясно, что на утро могут выйти только советские газеты, «Известия» и «Социал-Демократ». Подвертывается Голенко.

— Тов. Голенко, по постановлению партийного центра и В.-Р. Комитета, вы должны не допустить выхода завтра буржуазных и соглашательских газет.

— Но, товарищи...

— Это постановлено.

— Хорошо.

Утром вышли только «Известия» и «Социал-Демократ».

В здании Совета, где находится партийный центр и Военно-Революционный Комитет, шум и беготня. Носят оружие и патроны. Идет запись в Красную гвардию. В стороне допрашивают перебежчиков. Слышны отдельные выстрелы. Телефоны еще не выключены. Звонок. Подхожу к телефону.

— Совет? Кого-нибудь из Военно-Революционного Комитета. Срочно, скорее!!

— Откуда говорят? В чем дело?

Звонят из Кремля, один из солдат Кремлевского 56-го полка. Рудневцы говорят, что большевики все сдались, предлагают сложить оружие. Взволнованный голос спрашивает, — как быть и что делать? Я начинаю спокойно объяснять, что борьба только начинается, что впереди возможна только победа, что большевики не сдаются. Предлагаю не верить провокации и успокоить товарищей... Мы готовим помощь и скоро придем на выручку. Подходит Муралов, передаю ему трубку. Несколько бодрых слов: «Держитесь, товарищи, помощь близка».

●

Ночью раздались первые выстрелы на Красной площади. Прибежало несколько двинцев. «Мы прорвались через засаду юнкеров, они занимают Кремль. Скорее, нужна помощь». Направляем их в наш штаб. Там Муралов, Ярославский, Аросев. Высылаются дозоры, за организацию разведки берется тов. Максимов. Шум, беготня; раздается оружие. Сразу помощи двинуть не удалось, и юнкера заняли Кремль, отрезав наш 56-й полк.

Все горячее становится вокруг Военно-Революционного Комитета. Меньшевики уже ушли из его состава. Начинают приносить раненых. Наспех организуется лазарет. Военно-Революционный Комитет выносит постановление об удалении из здания Совета всех не принимающих непосредственного участия в работе. Начинаю обходить комнаты, чтобы проверить, не осталось ли кого нибудь, кто мог бы быть более полезен в районе или в более спокойной обстановке. В одной из дальних комнат застаю М. Покровского и И. Скворцова (Степанова). Оба они работают в нашей га-

зете «Социал-Демократ», выходящей несмотря на события.

Военно-Революционному Комитету начинает угрожать непосредственная опасность. Юнкера вновь наступают по Брюсовскому и Чернышевскому переулкам. Слаба и опасна связь с окраинами города, с рабочими районами. Слишком много ответственных товарищей в центре. Партийный центр постановляет, что часть активных защитников Совета и членов Военно-Революционного Комитета надо перебросить в районы, — оставить в центре, в самом Комитете, минимальное число.

Чтобы решить, кого и где, устраивается совместное летучее заседание. Несмотря на очевидную опасность, никто добровольно не хочет уходить. Аросев, Розенгольц, Мельничанский, Рыкунов, Ногин, Серебряков и члены Комитета и партийного центра («пятерки») и не члены соперничают друг с другом в почетном праве остаться на опасном посту.

Особенно много упорства и настойчивости проявляет Стуков.

— Лучше погибну здесь, но не уйду!

Партийная пятерка удаляется на совещание и выносит готовое решение, кому оставаться в Совете и кому и куда итти в районы.

Итак белогвардейцы занимают «Метрополь», здание Городской Думы, Кремль, Никитскую и Арбат. Все районы — наши; от пробивающихся к нам товарищей мы знаем, что там кипит работа и организуются красногвардейские части, но здесь, в центре, в Московском Совете, мы чувствуем,

что нас могут окружить. Мы уже почти отрезаны от Замоскворечья и Лефортова, нас отрезают от Бутырок. Низ Тверской занят юнкерами, выше, поперек Тверской, работает неприятельский пулемет, поставленный в переулке на церковной колокольне. Единственная связь с внешним миром по переулку на Б. Дмитровку и Петровку.

По постановлению штаба В. М. Смирнов отправляется на Ходынку за артиллерией и пропадает. Проходит ночь, а его все нет. Разносится слух, что артиллерия уже у «Яра», но идут часы, слух не подтверждается. Отовсюду доносится частая, беспорядочная стрельба, совсем рядом с Советом. Подсчитываем наличные силы; выясняется, что в здании около 200 вооруженных людей.

К этому времени мы перешли во второй этаж. Окна комнаты, в которой заседают В.-Р. Комитет и партийная пятерка, выходят во двор, рядом за тонкой стеной — штаб, окна его комнаты выходят на Чернышевский переулок. В углу нашей комнаты мягкий, большой диван. Во дворе суетня и крики. Мы сидим на диване и тихо перекидываемся отдельными словами.

На минутку из штаба зашел Муралов и задремал на стуле, о чем-то задумался Ломов и улыбается своим мыслям; из угла в угол ходит Ногин, тут же над столом склонился Усиевич, рядом с ним подписывает пропуска Розенгольц.

Вдруг из штаба кто-то вбегает:

— Сейчас нас начнут обстреливать из пулемета. Надо перейти в другую комнату.

— В чем дело? говорите толком! откуда, кто?

Но толку не добиться.

Муралов решительно подымается и уходит в штаб.

Встаем и мы.

— Куда же этот дьявол Смирнов подевался со своей артиллерией?

На всякий случай переходим в соседнюю комнату. Приносят миску с супом. Ага, значит время обедать. Кто из тарелок, кто прямо из общего котла.

А положение все остается неопределенным. Несколько часов нет вестей из районов, где-то пропала наша артиллерия, сейчас начнет обстреливать какой-то полумифический пулемет. Нам ясно одно, что сейчас говорить не о чем и не для чего, что на счету каждый человек, что наше место *теперь* на Тверской и на Чернышевском, вместе с рабочими и солдатами. Как-то само собою складывается это убеждение у всех. С нами бессменно ведут протоколы секретарши Совета Темкина, Бричкина, Ломтатидзе. Вдруг они куда-то уходят. Через полчаса каждому из нас они надевают на руку красную повязку с надписью: «Член В.-Р. Ком.».

Пусть знают юнкера и вся эта сволочь, куда им направлять штыки, если им удастся ворваться в Совет, пусть радуются... пока что. Совет они могут взять, но пусть они попробуют взять Сокольники или Благушу.

Торжественная минута. И тут произошло то, что бывает или в сказке или... в революции.

Быстрыми шагами вошел В. М. Смирнов.

— Наша артиллерия на Скобелевской площади.

Сразу почувствовалось, что начинается перелом. Одно орудие вниз по Тверской, другое вверх, третье по Козьмо-Демьянскому переулку.

— Теперь голыми руками они Совета не возьмут. Теперь мы продержимся день, другой, пока не подтянутся районы.

Первый орудийный выстрел. Задрожали и полопались стекла. Меткий удар в гостиницу «Националь», нынешний 1-й дом Советов.

●

Прохладная комната. Взад и вперед снуют люди. У дверей штаба толпится несколько солдат. В стороне стучат машинистки. За столом сидит Серебряков, крутит папиросу и разбирает бумаги. Не то он только-что вернулся из Питера, не то собирается туда.

Резкий взрыв. Где-то совсем рядом. Никто ничего не понимает. Паника. Падают на пол. Лезут под стол. Дюжий парень оказывается в ногах у Серебрякова.

— Ты откуда, что с тобой?

— Я... я...

Бросаются к выходу. Серебряков с улыбкой смотрит на опустевшую комнату.

Товарищи, спокойствие, это у нашего гранатчика взорвалась граната.

●

Тяжелая борьба шла в телефонной станции и у почтамта.

Юнкера крепко засели в Милютинском переулке. Наступлением на них руководит Усиевич. В это время пришло известие, что почтамт уже занят нами.

Надо посылать своего человека, чтобы наладить работу на телеграфе и связаться с Питером и провинцией.

— Вадим Николаевич, вам придется итти.

— Иду, — отвечает Подбельский.

Телеграф был за нами закреплен.

Идут тревожные дни, на смену приходят бессонные ночи. Все увереннее и тверже становится в районах, крепнет настроение центра. Радостные вести приходят отовсюду. Захвачен дом градоначальства с несколькими стами пленных. Заняты Никитские ворота. Подбит неприятельский пулемет. Утром отброшены к вокзалу ударники, пытавшиеся пробиться в центр.

В комнату Военно-Революционного Комитета вбегает красногвардеец с винтовкой.

— Товарищи, какой-то митрополит или шут его знает кто, в белом облачении, просится войти в Совет.

— Пропустите.

Оказался делегат заседающего в то время в Москве церковного собора, митрополит Платон. Чтобы не принимать его в комнате Комитета и не нарушать работы, стали решать, кому поручить переговоры с ним. Как я ни отнекивался и ни упирался, остановились на мне. Стоящий у двери Игнатов в буквальном смысле вытолкнул меня из комнаты.

— Идите, и никаких.

Делать было нечего. Шумная соседняя комната. Приносят оружие. Стучит машинка. С винтовками за плечами проходят в штаб, находящийся рядом с Комитетом, группы красновардейцев и солдат. В полном облачении, в митре, с крестом в руках стоит Платон. Подхожу.

— Здравствуйте. Военно-Революционный Комитет поручил мне переговорить с вами. Что угодно?

Указываю на соседний стул и сажусь сам рядом. Платон хватает меня за руки и падает на колени. Бессвязно и волнуясь начинает говорить:

— Прекратите кровопролитие... Не надо смертей... В городе ужас... Когда все это кончится?

Успокаиваю. Предлагаю сесть на стул. Начинаю объяснять, что в кровопролитии виноват Комитет общественной безопасности, который не желает признавать и подчиняться власти Советов, единственной народной власти.

— Идите к ним и с ними разговаривайте. Как только юнкера сложат оружие, мы прекратим обстрел.

Митрополит поддакивает.

— Так это верно? Вы не жаждете крови? Согласны прекратить борьбу?

Не могу не улыбнуться. Снова повторяю, что как только белогвардейцы сдадутся, мы приступим к мирной работе.

— Хорошо, хорошо, я все передам собору.

Разговор окончен. Я вызвал краснокрестскую карету и поручил Сапронову отвезти митрополита в подворье, где тот жил.

●

Я получаю поручение побывать в Замоскворечьи, чтобы установить связь с районом и с редакциями «Известий» и «Социал-Демократа», которые перебрались т да. Выхожу ночью вместе с Н. Мостовенко. Несколько раз останавливают наши часовые. Выходим на Б. Дмитровку, обходим Страстной монастырь, на Тверскую, по Садовой, налево. Безлунно, темно. Вдали ухают орудия. В небе зарево пожара: горит зажженный нашими снарядами дом у Никитских ворот. На Садовой спокойно. У Кудрина снова раздаются выстрелы. Спрашиваем патрульного:

— Товарищ, какого полка?

— 193-го.

— Ну, как у вас здесь?

— Да вот из дома напротив пошаливают. Утром надо будет дознаться.

Снова выстрел, потом другой. Слышен удар пули. Мы отходим за угол и идем дальше. Мостовенко тащит к себе.

— Зайдем, перекусим, что есть, часик отдохнем...

Утром иду дальше. Зубовский бульвар. Пустынно. Вдруг откуда-то раздаются выстрелы. Треск разбитых стекол. Крымский вал. Калужская площадь. Рабочий район. Всюду оживление и движение. Мчится автомобиль с хлебом. Группами идут вооруженные рабочие. Сразу становится спокойно, хорошо и уверенно.

В районном совете народу тьма-тьмущая. Суетится и отдает приказания Фрадкин (Волин). Редакция поместилась в столовой Коммерческого института на М. Серпуховке. В полутемной комнате за двумя столами сидят И. И. Степанов, Ольминский, Бухарин.

Тем временем подходят В. Н. Яковлева, Кизельштейн, Владимирский. Устраиваем летучее заседание, и меняемся мнениями о положении в разных районах. Общие сведения самые благоприятные. Владимирский остается дежурить на ночь в институте, Кизельштейн идет в Районный Совет, В. Н. Яковлева также отправляется не то в Рогожский, не то в Басманный Совет, я возвращаюсь в В.-Р. Комитет. Уславливаемся утром сойтись в Центральном Совете.

Сажусь в автомобиль вместе с Подбельским и Бричкиной. Советуют ехать через Краснохолмский мост. Подъезжаем к Таганке. Наши часовые предупреждают, что на площади работает чужой пулемет, и предлагают ехать переулками. Шофер

разгоняет машину, и мы в темноте проносимся прямо через площадь. Благополучно. Пулемет трещит в стороне. Нас окликает наша застава. Проверка документов, надо показать пропуска. Но тормоз у автомобиля оказался испорченным, и мы мчимся вниз, к Зацепе. По нас открывают стрельбу наши же солдаты. Жуткая минута. И главное ничего нельзя сделать. Машина все же с трудом останавливается. Подбегает патруль.

— Ваши пропуска?

Суем ворох бумаг. Шофер включает огонь. Бумаги в порядке.

— Что вы, дьяволы, едете, как с цепи сорвавшись? Или вам жизнь надоела?

И еще, и еще.

Оправдываемся, тормоз, мол, ничего поделать нельзя. Шофер отказался ехать дальше.

— Видите, машина испорчена.

Пошли пешком. Не успели мы пройти десятка два шагов, нас снова догоняет автомобиль.

Видно у шофера отошло от сердца.

— Садитесь, довезу как-нибудь.

До Красных ворот добрались уже благополучно. Там мы отпустили машину назад и решили дальше пробираться пешком.

На Сухаревке зашли в Городской Районный Совет. Несмотря на ночной час, жизнь бьет ключом. Вверх и вниз торопливо бегают люди. Рассказывают о стычке на Лубянке и о том, что Никольская улица уже в наших руках. Очевидно становится, что дни наших врагов сочтены. Скорее в Центральный Совет со свежими, хорошими новостями.

Вечер 2 ноября. В районах продолжается борьба, там еще не знают о решении центра. Распреде-

ляем между собой, кому в какой район ехать, чтобы там объявить об окончании вооруженной борьбы и о капитуляции контрреволюционеров. Меня послали в городской район. Со мной командируется «нейтральный» Эмдин (ныне коммунист).

В районе нас встречает старая большевичка Ольга Афанасьевна Варенцова. Созываем районный Военно-Революционный Комитет и всех активных работников. Читаю договор и приказ Военно-Революционного Комитета:

«Революционные войска победили... Враг сдался... Все на охрану завоеваний новой рабочей, солдатской и крестьянской революции... Войска Советов остаются на своих местах... Войскам не расходиться до особого приказа Военно-Революционного Комитета».

Тихо, без энтузиазма был встречен этот приказ. Пролетарским чутьем чувствовали массы, что борьба не кончена, враг еще не сдался, что впереди новая борьба. Но приказ был выполнен.

— Да здравствует Советская власть!

А. Аросев.

Как было[1].

В типографию «Деревенской Правды» 25 октября рано утром пришел т. Пешков и сообщил, что в Питере власть перешла в руки Советов очень тихо, безболезненно. Это известие впервые было получено из Питера по телефону.

Не докончив свою работу по выпуску номера газеты, я пошел в редакцию «Правды». Там узнал, что сформировался нашей партийной организацией

[1]) Из книги «Октябрское восстание в Москве», изд. Гиз. 1922 г.

Военно-Революционный Комитет, куда мне надлежит немедленно явиться.

Военно-Революционный Комитет заседал наверху, на третьем этаже Московского Совдепа, в маленькой комнатке, в которой раньше помещался, кажется, т. Муралов. Тут мне была дана первая задача: какой угодно воинской частью занять телеграф, телефон и почту. Вместе со мной на это дело отправился т. Ведерников, который получил полномочия, похожие на полномочия комиссара почты и телеграфа.

Вышли мы с т. Ведерниковым из дверей Совета на Скобелевскую площадь. И как-то странно: тут на площади все по-будничному суетится, все спешат, все хлопочут, так же, как это было вчера, третьего дня, четвертого дня. Возле памятника Скобелева плетутся двое мальчишек-газетчиков. Барышня торгуется с извозчиком на углу. Все, как было.

— У вас есть револьвер? — спрашивает Ведерников.

— Нет.

— И у меня нет. Надо достать. Зайдем в «Дрезден», может быть, у кого-нибудь из товарищей добуду.

Кругом так мирно, никто на нас не нападает. Переворот в Питере уже совершен. Половина министров в тюрьме. Зачем же револьвер?

И то, что т. Ведерников пошел вооружаться, казалось ненужной комедией, в которой персонажи придают сами себе гораздо больше значения, чем они имеют на самом деле.

Мы толкались в номерах «Дрезден» среди товарищей около получаса, однако т. Ведерников так и не нашел револьвера.

— Ни у кого нет, чорт возьми! — сказал он.

— Постойте, — вспомнил я, — дойдем до типографии «Деревенской Правды», там у моего товарища Тихомирова есть какой-то самострел.

Мы зашли, и т. Ведерников был наконец вооружен маленьким, довольно безвредным испанским браунингом.

Оттуда направились в Покровские казармы, где стоял 56-й полк, на который, по моим расчетам, положиться было можно.

В полку происходило заседание полкового комитета под председательством строгого, пожилого офицера с канцелярским выражением лица.

Я взял слово вне очереди.

Ознакомил собрание с последними известиями из Питера. Указал на необходимость соблюдать порядок. Для этого в первую голову надо усиленно охранять все государственные учреждения и в первую очередь сейчас же занять почту и телеграф.

Тов. Ведерников отметил, что мы говорим от имени Военно-Революционного Комитета.

— Какого? — спросил офицер с канцелярским лицом.

— Военно-Революционного Комитета большевиков; впрочем весь состав его сегодня будет санкционирован Советом.

— Ага, это большевистский комитет, — заметил как бы про себя офицер и слегка почесал переносицу.

Наступило молчание. Солдаты недоумевали, не зная, что предпринять, за кем итти.

Какой-то затертый полковой работой штабс-капитан, с лицом, как моченое яблоко, и небритый, как Плюшкин, пробормотал, что надо слушаться начальство и ждать его приказаний.

— Товарищи, тут разговаривать нечего, — выступил член полкового комитета т. Голвазин, — пар-

тия большевиков призывает нас на защиту революции. Выступим все, товарищи, как один человек.

Солдаты разом загорелись.

Несмотря на сопротивление офицерского состава, несмотря на робость многих трясущихся шкурников, товарищи-солдаты сами вывели роту и часа через два уже заняли почту и телеграф.

Мы с т. Ведерниковым отправились тем временем на почту и телеграф, чтобы предупредить администрацию.

Там было собрание чиновников. Председатель собрания, почтенный старичок, видимо мало что понимал и только кивал головой и соглашался со всеми говорившими.

К вечеру в Политехническом музее созвано было общее собрание Московского Совета.

Там был и Рябцев. Увидав меня, Рябцев спросил в упор:

— Вы зачем ввели солдат на почту и телеграф?

— Да, — сказал я, — а зачем вы, в свою очередь, послали юнкеров для занятия почты и телеграфа? И там может произойти кровавое столкновение.

— Так уберите ваших солдат.

— Уберите юнкеров.

В наш разговор кто-то вмешался, кажется товарищ Смидович. Мы пришли к тому, что надо ехать на почту и телеграф, чтобы предотвратить столкновение.

Поехали Ровный и я. В автомобиле молчали почти всю дорогу. По приезде узнали, что юнкера, увидав солдат, ушли назад.

На обратном пути Ровный, тогда помощник командующего войсками и, кажется, меньшевик, заговорил со мной о надвигающихся событиях.

— Ну, неужели суждено, чтобы социалисты дрались против социалистов же? Неужели мы, две половины когда-то одной социалистической семьи, неужели мы будем убивать друг друга? Нет, в это я не верю, не верю! и мы не дойдем до этого.

После переворота я нашел в его столе переговоры по прямому проводу с фронтом, откуда он вызывал на нас самые отсталые части.

Никогда не забуду того злого лица, тех острых пронзительных глаз, которыми впился в меня Рябцев, спросивший сразу, как только я вошел в комнату:

— Вы не убрали своих солдат?

— Нет, — ответил я.

Рябцев закусил нижнюю губу и сдержанно, но твердо, ударил сжатым кулаком по столу.

События развивались так, будто их кто подхлестывал. Вечером другого дня Кремль был окружен юнкерами Александровского училища.

Гщетно мы ночью в казармах Кремля среди бушующей солдатской толпы уговаривали Рябцева увести юнкеров от ворот Кремля.

— Стоит мне пять минут поговорить по прямому проводу, и в мое распоряжение будут присланы надежные части с фронта, — говорил Рябцев.

Сутки спустя, в здании Совета, внизу, в большой комнате, заседал Военно-Революционный Комитет. Ввиду важности момента сюда же собрались и меньшевики и некоторые эсеры с растерянным видом.

Наверху, на третьем этаже, заседал президиум Совета Солдатских Депутатов и стряпал прокламацию к московскому гарнизону, в которой уговаривал солдат никуда не выходить, большевиков не слушать и поддерживать Керенского. Эта про-

кламация так и осталась писанным позорищем эсеров и меньшевиков и света не увидала.

Время-от-времени то т. Ногин, то т. Муралов подходили к телефону и беседовали с Рябцевым. Не налаживалось соглашения.

В эту ночь т. Тихомиров и я отправились на автомобиле стягивать части московского гарнизона к Совету.

Приехали в казармы 197-го полка.

Здесь до нас уже был т. Ярославский. Солдаты снаряжались, подтягивались, заряжали винтовки.

Оттуда мы отправились в прожекторный полк. На грязной широкой каменной лестнице нам повстречался солдат в белье, заспанный, взлохмаченный.

— Товарищ, — и мы начали объяснять ему в чем дело.

— Та-ак, — протянул он сонно. — Ну, что же, как полковой комитет вызовет, так пойдем.

— Надо сейчас всех поднять.

— Да где ж поднять, ведь спят.

Подошел другой солдат, тоже в белье и с шинелью в накидку.

— Чего спят, ай-да нашу роту разбудим.

Начали чесаться и перекоряться. Наконец решили разбудить полковой комитет.

Сделав тут свое дело, мы направились в самокатный батальон.

Там то же самое: заспанные лица, русская лень и русское скрипучее многословие. Однако батальонный комитет, собравшись быстро, вынес решение и поднял к утру на ноги весь батальон.

Так мы подняли ночью с нар все части. На другой день весь дом Совдепа буквально превратился в какой-то солдатский муравейник.

Вечером этого дня происходил последний раз разговор по телефону между т. Ногиным и Рябцевым, который пообещал через десять минут двинуть свои отряды на нас.

А через два часа после этого пролилась первая солдатская кровь на Красной площади. Это была кровь наших товарищей-двинцев, которых окружили юнкера.

За несколько минут до этого мы, сидя в Военно-Революционном Комитете, испытывали большие колебания. Никогда мое сердце так не трепетало, как в тот раз, когда приходилось решительно голосовать: отвергнуть ультиматум Рябцева или нет.

В комнате, где мы сидели, было светло, а вся Москва, казалось, тихо притаилась и стиснула зубы против нас, против солдатского муравейника в стенах Совета. Каждое шарканье стула об пол царапало нервы. К большим темным окнам, смотревшим в эту загадочную Москву, страшно подходить. Чудилось, вдруг кто-то страшный подойдет, возьмет за плечи и спросит: что ты хочешь делать?

Товарищ председатель сосчитал голоса: за то, чтобы отвергнуть ультиматум Рябцева, большинство. Трезвые, твердые цифры голосов за и против убили колебания.

Почти в то же самое время затрещали отдаленные выстрелы на Красной площади. То, что мы решали здесь поднятием рук, там наши товарищи разрешили свинцом и своими жизнями.

Так началось то великое московское сражение, которое тянулось семь дней и дало полную победу восставшим московским рабочим и крестьянам.

Солдаты в эти дни действовали не столько по нашим распоряжениям, сколько по массовой своей мудрости.

— Куда вы идете? — спросил я однажды солдат, увидав, как они строятся на Скобелевской площади в ряды.

— А вон там, в Брюсовском переулке, нашим немного худо, так мы им на подмогу.

— Кто же вам приказал?

— Не знаю.

И буквально никто из них не знал, кто же именно приказал выступать, — так сами и выступали.

Не могу теперь в точности вспомнить, как прошел первый день, второй, третий. События этой боевой недели, даже лица, почти совершенно изгладились из памяти от непомерного напряжения, от нечеловеческих усилий, от сплошного отсутствия сна.

Впрочем не могу забыть т. Реутова, погибшего у Никитских ворот, т. Павлова, раненого выстрелом из подворотни, а впоследствии застрелившегося, левого эсера Саблина, с двадцатью пятью солдатами отвоевавшего дом градоначальства и взявшего в плен около трехсот белогвардейцев.

Я подверг допросу пленных, желая отмежевать истинных белогвардейцев от случайно попавших к нам. Ко мне привели высокого, худого, очень молодого юнкера Александровского училища.

Юнкер ни о чем меня не просил, не дрожал в бессмысленном животном страхе, как другие. Ясно и твердо давал показания. Я кончил допрос.

— Скажите, пожалуйста, — обратился ко мне юнкер, — вот у вас на стене висит список состава вашего штаба. Там фамилия Перлин. Это не юнкер ли Александровского училища?

— Да. А вы его знаете?

— Зна... ю... знаю... — вдруг заговорил с надрывом высокий юноша. Не выдержал и сразу зарыдал.

— Да ведь я... — начал снова юнкер, ища обеими дрожащими руками в карманах шинели носовой платок: — да я, ведь, член той же группы большевиков-юнкеров, что и т. Перлин. Только он успел бежать из училища к вам, а я нет. Вы, товарищ, и представить себе не можете, какие муки я пережил от того, что был насильственно, против моей совести, против моих убеждений выставлен вместе с другими на убийство рабочих. Вы только поймите, что я — большевик!

Когда я вызвал товарища Перлина, то радость для них обоих была неописуема. С той же минуты этот пленный юнкер остался работать с нами.

В это время чуть не с оружием в руках ворвался в штаб прапорщик Гнедов и накинулся на нас: дом у Никитских ворот, где сидел его отряд, загорелся со всех сторон, подожженный юнкерами.

Гнедов бился в истерике и кричал:

— Там горят... там горят!.. Что вы сделали!..

Врач и сестра милосердия увели его куда-то, а наша храбрая пожарная дружина выручила из полымя весь отряд.

От нечеловеческой усталости, от того, что притупились нервы в последние два, три дня, мне вдруг сделалось решительно все равно: разобьют нас юнкера или мы их разобьем. И это чувство безразличия охватило меня именно тогда, когда наша борьба была на переломе и когда мы, сидящие в Совете и стиснутые кольцом юнкеров, чувствовали под собой колебание почвы, чувствовали, как слабеют руки, что мы как будто вместе со всеми отрядами наших товарищей-солдат скользим по ровному краю, на страшном острие, по одну сторону которого победа, по другую — смерть.

Многим в это время, менее уставшим, просто страшно было и сердце сжималось, а другим,

уставшим и измотавшимся, было как будто все равно.

Я с т. Янушевским пошел осматривать двор, не будет ли возможным в каком-нибудь месте провести подкоп для выхода хотя бы женщин и выноса документов.

Осмотрев стены двора, мы просто молча плюнули на эту затею и не стали прорывать подкопа. В период такого безразличия было не страшно, абсолютно не страшно, и ничего ценного не было для нас.

Однажды днем из Столешникова переулка подкатил юнкерский броневик к Совету и ударил снарядом в угол здания. В одной из комнат стоял солдат и держал бомбу, просто рассматривая ее из любопытства. От неожиданности и грома, с которым ударил снаряд, руки солдата дрогнули, он выронил бомбу, которая разорвалась, легко ранив солдата и выхлестнув все окна в комнате Совета. Все сбежались в эту комнату. Переполох.

— Как же так подпустили броневик к самому Совету? — кричало много голосов.

Я вышел на улицу к товарищам-артиллеристам и узнал, что дело объяснялось очень просто. Наши артиллеристы, измученные и переживавшие чувство тупого безразличия, в буквальном смысле слова вздремнули у пушек; в это время броневик-то и подскочил. Конечно в следующий момент наша артиллерия открыла огонь, и броневик скрылся.

Подрыву энергии наших борцов способствовало то злосчастное перемирие, которое было заключено нами с Рябцевым. Оно увеличило кровопролитие, ибо для той и другой стороны оно было намеком на слабость.

В стане юнкеров озлобление против Рябцева и перемирие дошло до того, что в здании думы один

из офицеров застрелился, а во всех пунктах их позиций юнкера не переставали обстреливать наших. Не молчали и наши. Нам, штабу, удалось лишь ненадолго остановить орудийный огонь. Ненадолго потому, что часа в три загремели пушки у Алексеевского училища, где руководил неукротимый и неудержимый т. Демидов.

Помню, как т. Яковлева, Варвара Николаевна, подошла ко мне и, разводя руками, с искорками гнева в глазах спросила:

— Что же это вы делаете? Ведь ваши пушки продолжают разносить Москву.

— Нет сил удержать солдат, — ответил я, — попробуйте поговорить с ними.

Чтобы подтвердить свои слова, я подошел к нашему полевому телефону, соединился с Лефортовским районом, вызвал Демидова.

В трубку было слышно, как ухнул снаряд.

...Бух!

— Демидыч, прекрати немедленно огонь. Это распоряжение Комитета, будешь строго отвечать за неподчинение.

Но Демидов, при всей своей неукротимости не лишенный хитрости, отвечает протяжно:

— Не слы-шу!

Снаряд опять: бух!

— Именем Военно-Революционного Комитета приказываю тебе прекратить огонь!

...Бух!

— Ни черта не слышу! Ты лучше пришли распоряжение письменно.

— Хорошо, Демидыч, я посылаю тебе человека на автомобиле.

И опять снаряд: бух!

— Нет, на автомобиле не присылай, его обстреляют. Лучше на лошади и в коляске.

— Как же ты теперь-то слышишь, что я тебе говорю?

— Так вот присылай, брат, распоряжение, мне некогда.

И трубку Демидов бросил.

Снаряды безудержно ухали. Мое распоряжение о прекращении огня, посланное верховым, достигло до Демидова тогда, когда суточное «перемирие» уже кончилось.

Помню так же, как пошли укрощать наших и юнкеров на позицию у Никитских ворот представители Викжеля и наш т. Савва-Степняк.

Переговорив с нашей стороной, эта «примирительная» комиссия направилась к юнкерам. Юнкера пропустили к себе представителей Викжеля, а когда узнали, что Савва-Степняк наш, какой-то юнкер взял да выстрелил в него. Раненый в голову, весь обвязанный т. Савва-Степняк возвратился к нам, а юнкера открыли огонь по нашим позициям, несмотря на «викжельские» усилия примирить непримиримых.

Бои еще продолжались два дня. Победа наша была полной.

Когда наши мирные делегаты поехали в думу подписывать мир, мы, грязные, неумытые, с воспаленными от бессонницы глазами, сидели в комнате Военно-Революционного Комитета.

Рядом со мной на диване т. Розенгольц, наклонившись к моему плечу, тихо, устало и по-дружески сказал:

— Надо будет заготовить приказ, что Муралов назначается командиром... или нет, комиссаром округа, а Рябцев должен ему сдать должность.

— Комиссаром или командующим?— спросил я.

— Комиссаром округа, но это и значит командующим.

«Командующим», «комиссаром», думал я, и ничего не понимал, потому что большое дело делалось так просто. Напишу я своими каракулями: «сдать», «назначается», будет это голосоваться — и вот вам новая власть. Не верилось. Скорее я склонен был думать, что т. Розенгольц немного переутомился и как бы в полусне начинает заговариваться. Ну, пусть его заговаривается. Возьму да напишу. Написал. Барышня на машинке отхлопала этот приказ. Потом его голосовали, и т. Муралов стал не Муралов, а командующий округом.

Через час т. Муралов стоял уже во дворе Совета около автомобилей. Вокруг него стояли т. Коган, Саблин, Лопашев, я и еще несколько товарищей. Все толкались в ожидании автомобилей.

Тов. Муралов будто от нечего делать, ткнув пальцем в сторону Лопашева, спросил:

— Ну, вы какую должность будете нести?

— А там, кажется, есть должность «дежурный генерал», — сказал кто-то.

— Ха-ха-ха, «дежурный генерал», — весело хохотали все.

— Ну, ладно, — заключил т. Муралов, — будете дежурным генералом.

— А я у тебя буду генералом для поручений, хочешь? — спросил т. Коган Муралова.

— Вали! — ответил Муралов.

И поехали мы на двух автомобилях в Александровское училище, а оттуда в штаб. Подходя к штабу с Всеволжского переулка, мы натолкнулись на генерала, служившего при Рябцеве. Генерал знал Муралова.

— Здравствуйте, т. Муралов! — сказал он, — а где бы, не знаете ли, я хотел бы попросить вас, где я могу увидеть ко... ко... это, как его, комиссара округа.

— Я — комиссар округа, — ответил Муралов.

— Вы?.. Очень, очень приятно. Простите, а командующий?

— Я — комиссар, — еще раз подтвердил недоумевающий Муралов.

— Да это то же самое, что командующий. Это — командующий, — вмешался я.

— Ах, вот как! — генерал совсем растаял. — Очень приятно, весьма приятно! — говорил он и козырял.

Мы толпой проследовали в штаб через двор. В штабе все комнаты были пусты и забаррикадированы грудами пыльных бумаг и синих папок с унылыми надписями казенного образца: «Дело». Окна разбиты, мебель расшвыряна. Два-три сонных писаря и какой-то седоватый полковник.

Вот все, что нам досталось от Рябцева.

На другой день были готовы приказы о назначении всех руководителей штаба сообразно тому «распределению», которое делалось очень незатейливо во дворе Совета.

Так была создана новая военная власть. Создана была просто, естественно, даже не создана, а рождена движением, и, как всякое естественное рождение, омыта кровью.

И. Стуков.

Областное Бюро и Военно-Революционный Комитет[1].

Восстание в Москве проходило очень болезненно. Одной из причин было то, что руководящие круги, именно Военно-Революционный Ко-

[1] (Из речи в Дискуссионном клубе МК РКП 7 ноября 1921 г.). Из книги «Октябрьское восстание в Москве», изд. Гиз. 1922 г.

митет и отчасти военный штаб, много и долго колебались и часто пытались войти в переговоры с Рябцевым, но тем не менее подготовительная работа подчеркивалась москвичами. Моск. Обл. Бюро РСДРП(б) держало курс на восстание.

В Областное Бюро входили: Н. И. Бухарин, Осинский, Ломов, Яковлев, Стуков и Кизельштейн. Еще в конце сентября мы поставили вопрос о восстании. Мы собрали расширенный пленум Областного Бюро с представителями от ближайших губерний. Заседали на квартире у товарища Шевардина, на Сретенке. Были предложены две резолюции: одна — Осинского, другая — Стукова. Принята была согласительная резолюция: решено было послать в Петроград делегатов от Областного Бюро с полномочием такого содержания, чтобы ЦК взял курс на восстание. Мы брались все подготовить у себя и принять соответствующие меры. Надо сказать, что Областной Комитет связан был с местами, работа шла хорошо, и если сравнить ее с теперешней, то можно позавидовать тому времени. Мы, члены Областного Бюро, ездили по области, давали директивы.

Когда вопрос был решен, мы начали практически проводить решение. 15 и 16 октября в Иваново-Вознесенске был назначен Съезд Советов. Мы решили провести соответствующее решение. Областной Комитет послал туда меня. В то время была железнодорожная забастовка, и только нас, большевиков, пропустили. Мы запаслись билетами у Рыкова или Ногина (точно не помню), что такой-то командируется по делам службы, ему разрешается проезд туда и обратно. С этими бумажками на железнодорожных станциях стачечные комитеты нас пропустили без задержки.

В Иваново-Вознесенске я застал съехавшихся депутатов, и из разговоров мне стало ясно, что съезд наш. Я сделал доклад по текущему моменту. Это был единственный вопрос порядка дня. В конце доклада я указал, что необходимо принять курс на восстание. Была предложена соответствующая резолюция, которая прошла единогласно, при трех воздержавшихся.

Когда я их спросил, почему они воздержались, они ответили, что сами-то они большевики, но местный Совет дал категорический мандат воздерживаться. Сейчас же они заявляют, что присоединяются к этой резолюции.

Кончился съезд, мы избрали Военно-Революционный Комитет, потом назначили комиссаров, которые сейчас же должны были ехать по губернии и объявить, что власть Керенского упразднена. Мы там же написали воззвание к крестьянам, дали соответствующие директивы и объявили, чтобы распоряжения агентов Временного правительства считать недействительными. Затем было постановлено послать приветствие матросам Балтийского флота.

Все эти резолюции постановили послать в «Правду». «Правда» дня два-три держала их под спудом, боясь опубликовать, чтобы не навлечь похода на Владимирскую губернию, как это было в Калуге.

Вернувшись в Москву, я тут же погрузился в полосу совещаний. Приехали товарищи из Петрограда. Было известно, что Ленин послал письмо в ЦК, но это письмо не распространялось, чтобы не вводить публику в соблазн. Мы об этом письме однако узнали. Одно из совещаний происходило на Большой Пресне, в квартире В. М. Смирнова. Были там: Бухарин, Стуков, Ломов, Яко-

влева, Осинский. Решали, каким образом практически начать действовать. Были такие факты объективного значения, как упорная забастовка железнодорожников. Решили Бухарина послать в Совет делать доклад и добиться такой резолюции, чтобы Совет вмешался в эту забастовку как власть. Это было сделано. Совет выступил как власть, независимо от агентов Временного правительства, и таким образом получился непосредственный подход к дальнейшим событиям.

Был создан Военно-Революционный Комитет при области, куда вошли Яковлев, Кизельштейн и Стуков. С тех пор я в этом Комитете сидел, принимал участие во всех решениях и во всех бесконечных разговорах.

Я хочу остановиться на следующем эпизоде. В дни Октября мы поехали с Ногиным к Рябцеву. Я помню одно из заседаний Военно-Революционного Комитета, не в той комнате, в которой на первых порах мы засели, а там, где стоял кожаный хороший диван, который обладал роковыми свойствами для т. Рыкунова. Он садился в него, упираясь подбородком в грудь, и погружался в дремоту, а когда приходил момент голосовать, он просыпался и как-то ухитрялся голосовать за те предложения, за которые надо было голосовать. Я помню в первом этаже большую комнату (потом оттуда эвакуировались). Там было совещание предварительно перед решением послать еще депутацию переговорить с Рябцевым. Берзин и Ярославский сидели в Кремле. У нас было известно, что 56-й полк и рота 193-го полка в плену. Но перед тем произошла история: у нас в Военно-Революционном Комитете были представители от меньшевиков: Николаев и Тейтельбаум. Они хотели участвовать в Комитете на следующем осно-

вании: если например Военно-Революционный Комитет сделает какое-нибудь постановление и они с ним не согласны, то они имеют право от себя выпускать свое постановление, оговорив, что они с решением Революционного Комитета не согласны. Когда они нам эту вещь сказали, то я встал, подошел к меньшевикам, свирепо закричал на них, показывая на дверь. Они сейчас же удалились и больше у нас не появлялись.

В этом заседании решено было еще раз поговорить с Рябцевым. Поехали товарищ Ногин, я и от 56-го полка товарищ не русского типа, должно быть татарин, затем два социал-предателя, Урнов и Маневич (эсер и меньшевик), в качестве посредников. Доехали до Никольских ворот, юнкера нас окружили, спрашивают, зачем мы. Мы говорим, что мы к Рябцеву, — делегаты от Революционного Комитета, нельзя ли о нас доложить. Они куда-то побежали и потом зовут нас в манеж, там нас встретил офицер и повел. Идем мимо рядов казаков, которые пускают нам вдогонку: «Собачьи депутаты, разложить бы их, да нагайкой!» Вскоре нас повели обратно. Мы сначала думали, что с нами хотят после словесного разговора иначе «поговорить», и приготовились. Идем молча, наконец вышли опять к Никольским воротам. Нас все-таки решили допустить к Рябцеву.

Доходим до внутренних ворот, стучим, открывается дверь: «кто идет».

— Мы, делегированные от Революционного Военного Совета к Рябцеву.

Через минуту выглядывает знакомая физиономия Берзина, входим в свою атмосферу, затем вступаем опять во враждебную полосу, штаб Рябцева. Разговор с Рябцевым был очень долгий. Рябцев давал очень уклончивые ответы. Когда

товарищ-солдат (не помню его фамилии) начал задавать вопросы, Рябцев начал нервничать. Я не выдержал и заявил Рябцеву приблизительно следующее: «Полковник Рябцев, вы все-таки взрослый человек. С нашей стороны есть определенные требования: отменить ваше решение о выходе 56-го полка из Кремля. Лишить его этого почетного долга окарауливать Кремль, который охраняется им пять лет, было нетактично и совершенно беспричинно, и мы настаиваем, чтобы он остался, так же как и рота 193-го полка, потому что нет никаких мотивов для их вывода. Если юнкера нервничают, то объясните им, что нервничать незачем. Наши требования законны и скромны. Мы не захотим кровопролития, если вы не будете упорствовать».

После этого заявления, которое я сделал решительным тоном, ясно было, что Рябцеву надо было дать определенный ответ. Он сказал, что он будет стоять на своем, а окончательный ответ сообщит по телефону в Московский Совет. Между прочим Рябцеву мы доложили, что нас зачем-то водили в манеж, заставили дефилировать между рядами казаков и выслушивать оскорбительные слова, и что мы просим, чтобы он отдал распоряжение, дабы этого не было больше. Он ответил: «Я принужден вас сам проводить, я не могу гарантировать, что не будет недоразумения».

Он проводил нас до Кремлевских ворот, тут стоял автомобиль, но не было шофера, мы стали его искать. Оказалось, что он был в кузове автомобиля, свернулся в комок, потому что боялся, как бы казаки и юнкера, которые приняли нас не совсем дружелюбно, с ним чего-нибудь не сделали. Когда мы поехали, я испытывал такое чувство, что нам в затылок пустят пулю.

Теперь относительно перемирия и мира. Известная часть наших товарищей колебалась. Большую роль тут играл тот шантаж, который систематически практиковал «Викжель». У меня имеется разговор по прямому проводу Вомпе с Бильбатовым. Вомпе в Петрограде, Бильбатов в Москве. Вомпе из Петрограда говорит (передаю только смысл): «Сообщите, что мы вполне твердо стоим за то, что нужно сохранить единство демократического фронта. На этом стоят меньшевики, интернационалисты и объединенцы, что если Москва не приступит к переговорам, то мы оставим ее без продовольствия».

Бильбатов отвечает:

«В Москве бог знает что творится, стреляют на улицах. Мы согласились предъявить ультиматум той и другой стороне; если большевики будут упорствовать, мы объявим забастовку и введем войска в Москву и направим против них...»

Этот документ находится в Комиссии по истории партии. «Викжель» шантажировал Военно-Революционный Комитет каждый день, некоторая часть товарищей решила, что надо поговорить. Начали разговаривать о перемирии. Я лично должен сказать о себе следующее: я придерживался крайней точки зрения; никаких разговоров, все, что есть: ружья, пулеметы, гранаты, аэропланы — все надо пустить в ход против юнкеров. (У нас были сведения, что есть метательные бомбы и что их можно пускать с аэроплана.) Начались разговоры, спорили, и наконец большинство решило, что надо попытаться переговорить. В ночь на 30 октября для переговоров поехали товарищ Смирнов и Смидович. Было заключено перемирие на 24 часа. Но перемирие фактически не состоялось по следующим причинам: телефонная станция находи-

лась в руках юнкеров, и мы не могли сообщить по телефону, что заключается перемирие, надо было посылать специальных людей. Поэтому, когда нас из Комитета общественной безопасности запросили, почему мы не объявляем своим войскам, что заключено перемирие, мы должны были отвечать, что юнкера захватили телефонную станцию и мы не обладаем техническими средствами. Однако главная причина была та, что районы не хотели перемирия. Во время этого «перемирия» в Революционный Комитет было сообщено почти официально от наших товарищей, что во время перемирия с Курского или Брянского вокзала въехали ударники, въехали без оружия и где-то на вокзале их вооружили. Впрочем, войдя в Москву, они в значительной части рассыпались и разбрелись, а некоторая часть пришла к нам.

Я хочу отметить основной факт: «Викжель» по существу работал не нейтрально, а лил воду на мельницу Рудневых и Рябцевых.

Теперь несколько слов относительно заключения «мира». Я должен сказать, что члены Военно-Революционного Комитета подписались все, за исключением меня. Я голосовал против, ибо в проекте был пункт, что юнкера остаются с оружием, необходимым им для продолжения обучения военному искусству. Я указывал, что этот пункт опасен, что с ним согласиться нельзя; я говорил также, что ни в коем случае мы не можем думать, что юнкерские военные училища останутся, что будут продолжать учиться юнкера. Мои соображения не имели в глазах Военно-Революционного Комитета должного значения.

После того как восстание закончилось победой, Военно-Революционный Комитет решил послать представителей в Петроград передать привет от

московского пролетариата и доложить о ходе событий. Поехали туда Бухарин и я. Приехали. Повели нас к товарищу Ленину, мы ему сообщили, что было. Он нам ответил: «Тут у нас имеются товарищи Зиновьев и Каменев — поговорите-ка с ними». Мы пошли, застали в какой-то комнате в Смольном часть нашей фракции. Там были Зиновьев и Рязанов. Мы сказали, что мы от Москвы и просим слова вне очереди. Берет слово Бухарин, говорит и между прочим заявляет, что вот некоторая часть товарищей делает такие вещи, которые срывают нашу борьбу, и что за такие вещи в их черепа надо стрелять из пистолета. Моя очередь говорить, я начал рассказывать о том, что восстание было очень длительное, отметив, в чем была причина этого, что была масса жертв. Тут случилось следующее: когда я начал говорить о количестве жертв, у меня в горле что-то поперхнулось, и я остановился. Смотрю: Николай Иванович Бухарин бросается к какому-то бородатому рабочему на грудь, и они начинают всхлипывать, несколько человек начинают плакать. Очевидно, что у нас нервы были настолько напряжены, что достаточно было такого незначительного факта, чтобы это напряжение разрядилось в такой форме. Приходим к Ленину, через несколько минут он выходит и говорит: «Ишь, хныкать приехали». Не помню, что мы говорили в оправдание, кажется то, что может быть это и к лучшему.

Вечером в этой же комнате целая компания сочиняла первый декрет в области нашего хозяйственного строительства — декрет о монополии на объявления. Сидели и писали: это было положительно коллективное творчество; Бонч-Бруевич с бумагой и пером, один то вставляет другой — другое. Так писался первый декрет.

В заключение следующее: здесь присутствует один товарищ, который может себя считать счастливейшим — товарищ Беленький. Появляется у нас в листке «Социал-Демократ» некролог, подписанный Покровским или Буториным, который начинается словами: «Кто не знает Гришу Беленького». Оказывается, что он будто бы пытался пройти в Военно-Революционный Комитет и где-то был убит юнкерами. Товарищ Беленький — единственный человек, который знает, что скажут про него после смерти.

В. Подбельский.

В Городской Думе [1].

Оплотом меньшевистско-эсеровско-кадетской своры в Москве накануне октябрьского переворота являлась Городская Дума.

Соглашательское большинство в Совете растаяло. Из Петрограда с каждым днем приходили вести — одна «неприятнее» другой.

В минуты особенно «глубоких огорчений» соглашательский запевала Руднев собирал Городскую Думу, где эти политические полутрупы занимались усиленным самобальзамированием: уверяли себя и других (больше конечно себя), что власть Временного правительства стоит крепко и опирается на любвеобильное большинство народа, что против правительства идут ничтожные кучки фанатиков и заговорщиков и т. п.

Наша фракция имела против себя в думе сплошной «единый фронт» — от меньшевиков до кадетов. Некоторым диссонансом в этом дружном

[1] Из книги «Октябрск. восстание в Москве». Гиз. 1922 г.

«демократическом хоре» звучал пискливый голосок социал-демократов-интернационалистов.

Левые эсеры сидели на одних скамьях с правыми и не подавали голоса. Только изредка они позволяли себе роскошь воздерживаться (такое геройство!) от голосования особенно черносотенных резолюций, выносившихся эсеровской фракцией.

От нас выступали главным образом И. И. Скворцов и Н. И. Бухарин. Первый с его искренним пафосом, второй — со злой и тонкой иронией.

— Неужели категорический императив Канта подсказывает вам необходимость расстрела солдат и арестов революционных крестьян и рабочих? — спрашивал тов. Бухарин, обращаясь в сторону кадетских скамей, где среди многочисленных ученых мужей восседал такой изысканный философ, как Новгородцев.

А тов. Скворцов обращал свою выразительную фигуру в сторону господствовавшей эсеровской фракции и восклицал:

— Великое время переживаем мы! Великие возможности даны в ваши руки. Так знайте, что история скажет: какие жалкие духом люди жили в эту величайшую эпоху, если не смогли воспользоваться такими возможностями!

В такие минуты даже оголтелые эсеры чувствовали себе ниже среднего: усиленно откашливались, вертелись из стороны в сторону... как пришибленные псы.

Особенно бурным было заседание Городской Думы, посвященное вопросу о грозившей забастовке городских рабочих. Дело было незадолго перед октябрьским переворотом. Настроение было уже достаточно напряженным. Наши отношения с думским большинством сделались натянутыми

до крайнего предела. Наше выступление в защиту требований городских рабочих окончательно переполнило чашу негодования соглашательского большинства. Заседание думы по этому вопросу кончилось громадным скандалом: потерявшие равновесие эсеры пытались учинить над нами форменную физическую расправу. Мне лично «удалось» получить хороший удар в грудь. Представитель городских рабочих лишился своей фуражки, которую у него сшиб с головы д-р Дорф, прошедший, видимо, на медицинском факультете школу хорошего лечебного бокса.

«Эсеры потеряли равновесие, эсеры накануне провала», рассуждали мы.

Грозный час приближался. 25 октября нами из Петрограда были получены первые убедительные сведения о начале переворота; Минор и Руднев снова собрали заседание Городской Думы.

Думский зал набит битком. Все гласные в сборе. Ни шума, ни разговоров не слышно; упорная тишина.

Загробным голосом открывает заседание Минор. Придавленным тоном излагает Руднев «печальную повесть о том, как...» Изложил, уселся и в тяжелой истоме опустил свои усталые очи.

— Кто просит слова? — спрашивает Минор.

Общее молчание. На скамьях «правящей» партии полнейшая растерянность.

Выручает растрелянный теперь кадет Щепкин:

— Я думаю, что думе в первую очередь желательно выслушать сидящих на левых скамьях виновников грозных событий. Мне кажется, что от них мы узнаем больше, чем из своих речей.

Мы охотно приняли вызов. Слово взял И. И. Скворцов, который произнес в этом заседании одну из своих лучших речей.

— Вы — жалкие, мелкие людишки, — продолжал тов. Скворцов обличать эсеровскую братию. — Народ, рабочие и крестьяне ненавидят вас за ваше небывалое предательство интересов революции. Начало революции вы стараетесь представить как выступление кучки заговорщиков. Вы сами отлично знаете, что это — неправда. Народ давно отвернулся от вас. Из большинства вы стали ничтожным меньшинством. Суд истории настает для вас раньше, чем это вы могли думать.

После речи тов. Скворцова начались выступления представителей фракций думского большинства. Это были бледные неинтересные речи, лишь подтверждавшие наличие полного политического банкротства вчерашних господ положения. Речь кадета Астрова выделялась своим циничным характером.

В думском зале лились речи, а в районах Москвы кипела в это время лихорадочная работа: московский пролетариат готовился к бою. Гласные-большевики один за другим стали покидать думский зал и отправились по своим районам «дежурить». В думе остались только я и Б. Волин.

Пустующие скамьи большевистской фракции сильно встревожили думское большинство. Послышались голоса:

— Большевики пошли дело делать, а мы здесь теряем время на разговоры. Надо и нам приступать к делу.

Это эсеровско-кадетское «дело» вылилось в форму избрания «Комитета общественной безопасности», который и руководил затем белогвардейскими войсками.

Кремлевский расстрел.

27 октября у нас в Кремле было тихо, и работы в арсенале шли обычно. Кремль охранялся несколькими ротами 56-го пехотного полка, перешедшего уже на сторону Военно-революционной власти, и конечно никто из нас не предполагал, что завтра нам придется пережить нечто ужасное.

В ночь на 28 октября послышались первые выстрелы, и вскоре нам всем стало известно, что юнкера ворвались в Кремль, сняв охрану войск 56-го полка. В восемь часов утра командир юнкеров, арестовав председателя и членов нашего комитета, приказал нам всем, солдатам арсенала, немедленно выстроиться около Троицких ворот, приготовив свои удостоверения личности. Мы, не отдавая себе отчета о происходящем, обезоруженные, не оказали и не могли оказать никакого сопротивления юнкерам, а самое главное — мы не допускали мысли, что нас, людей, не имеющих в руках оружия, будут расстреливать. Даже тогда, когда мы построились в ряды и увидели направленные на нас три пулемета, которые стояли—один у Троицких ворот, другой у казармы 56-го полка и третий у Царь-пушки, мы все-таки не верили, что это приготовлено для расстрела нас, безоружных.

Томительные, долгие три минуты рокового молчания были прерваны командой офицера: «Смирно! Руки по швам!» Мы застыли в ожидательной позе. Вскоре откуда-то один за другим раздалось несколько ружейных выстрелов, к которым присоединилась ураганная трескотня пулеметов. В наших рядах началась паника, слышались истерические крики и стоны раненых, люди падали, как подкошенные, а оставшиеся в живых

спешили укрыться от этого дикого расстрела в стенах арсенала, но так как ворота арсенала были закрыты и для выхода была оставлена лишь маленькая дверь, в которую с трудом могут пройти два человека, то здесь произошло что-то ужасное, и скоро у входной двери образовалась гора барахтающихся людей, которые, давя друг друга, ползли, кто куда мог. К довершению этой жуткой картины откуда-то, один за другим, прогремели три орудийных выстрела, попавших в нашу людскую массу. Снаряды рвались, разрывая на куски наших солдат, обезображенные трупы летели в сторону казарм 56-го полка и к Окружному Суду. Когда же стрельба значительно стихла, наш начальник склада, генерал Кайгородов, ходил по Сенатской площади и собирал оторванные снарядами руки, головы и бесформенные тела павших солдат, которых тотчас же в автомобилях скорой помощи куда-то увозили.

Около часа дня юнкера снова пришли к нам в арсенал, хотели было вновь выстроить нас отдельными кучками и подвергнуть вторичному расстрелу и лишь благодаря горячей просьбе генерала Кайгородова и с ним каких-то двух неизвестных офицеров озверелые юнкера ограничились тем, что, арестовав нас, препроводили в здание Окружного Суда, учредив над нами строгую охрану. Генерал Кайгородов несколько раз просил юнкеров дать нам что-нибудь пообедать, но на его просьбу посыпались только колкие насмешки и ругательства.

В таком положении мы пробыли целые сутки без пищи. После этого нас отправили в казармы 56-го полка, где нам выдавалось по четверти фунта хлеба в сутки и немного кипятку. Только в четверг, 2 ноября, мы услыхали радостную весть, что

Кремль очищен от юнкеров, и мы освободились от плена. Генерал Кайгородов с ломом в руках и с небольшой кучкой солдат ходил по гауптвахтам, разбивал замки и выпускал на волю людей, арестованных юнкерами.

Вспоминая эту грустную историю расстрела безоружных людей, я спрашиваю себя: не сон ли это? Не мучительный ли кошмар? К глубокому сожалению это — горькая истина, о которой нельзя умолчать. Кто же расстреливал? Расстреливали «воспитанные» и «образованные» люди, — юнкера Алексеевского и Александровского военных училищ. Это — позор, это — кровавое пятно, которое им с себя не смыть никогда.

Вечная вам память, мои дорогие, незабвенные товарищи! Вы сделались жертвами кровожадной расправы юнкеров, защитников буржуазии.

Солдат **Илья Носков.**

Октябрьский бюллетень ЦК большевиков [1].

БЮЛЛЕТЕНЬ ЦК РСДРП (БОЛЬШЕВИКОВ) № 1.

Ввиду того, что газеты не доходят и телеграммы не передаются, ЦК для осведомления решил рассылать бюллетени о положении дел.

---

[1] С 29 октября по 5—10 ноября (приблизительно) 1917 г. ЦК нашей партии издавал бюллетени и рассылал их по всем партийным организациям.

Партия революционного пролетариата, уже взявшая власть в свои руки, но окруженная саботажем чиновничества и не овладевшая еще техническим аппаратом власти, вынуждена была осведомлять свои партийные организа-

Демократия в лице рабочих и солдат идет за нами, а потому сила в наших руках; но мелкая буржуазия и чиновничество идут против нас, саботируют и бойкотируют Военно-Революционный Комитет и комиссаров, так что технический аппарат не в наших руках. Также саботируют нас телеграфисты, не передают наших телеграмм. Часть гарнизона в Гатчине против нас, а потому было уже столкновение, и надо думать, что подступы к столице придется защищать вооруженной рукой. В Финляндии образована сильная и организованная буржуазная гвардия. Румчерод против нас. В ночь на 29-е в Петербурге юнкера и часть казаков выступили против Рев. Ком., им удалось захватить телефон, два броневика; против них приняты меры. Петербургский гарнизон на стороне Рев. Ком. Керенский с несколькими эшелонами казаков продолжает подступать к Петербургу. Город охраняется гарнизоном и Красной гвардией. Северный фронт на стороне Рев. Ком. В Москве, Минске, Витебске, Уфе, Самаре, Могилеве власть перешла в руки советов.

29 октября 1917 г.

ции о главнейших событиях путем рассылки по почте кратких (в пол- и четверть листа) бюллетеней, размножаемых в небольшом количестве экземпляров на пишущей машине и гектографе. В бюллетенях сообщаются сведения о развертывающейся борьбе, о переговорах, которые велись в конце октября и начале ноября в так называемой согласительной комиссии; приводятся некоторые резолюции ЦК нашей партии и пр. В моем личном архиве сохранились 7 номеров этих «Бюллетеней ЦК ольшевиков», которые здесь и перепечатываются.

А. Бубнов.

БЮЛЛЕТЕНЬ ЦК РСДРП (БОЛЬШЕВИКОВ) № 2.

29 октября ЦК решал вопрос о пополнении ЦИК. *Вопрос решен в том смысле, что ЦИК* пополняется пропорционально представителями партий, ушедших со Съезда Советов, а также представителями тех Советов, которые отсутствовали; по норме приблизительно один на 125 тыс. Правительство составляется ЦИК и перед ним ответственно. В правительство имеют войти все партии, входящие в Совет. Все декреты, изданные до момента соглашения, утверждаются. Всероссийский союз железнодорожников предъявил требование коалиционно-социалистического министерства; в случае отказа враждующих сторон выполнить это требование железные дороги *угрожают всеобщей забастовкой. Образована согласительная комиссия*, в которую вошли представители ЦИК и ЦК всех партий, Комитета Спасения Революции, союза железнодорожников, союза почтово-телеграфных служащих. В Петербурге *движение юнкеров подавлено*.

Было много жертв. В городе спокойно. Заседающий в Городской Думе Комитет Спасения Революции издал приказ об аресте членов Рев. Ком. В Москве юнкера, французские войска снова восстали, идет бой на улицах. По слухам Керенский окружен войсками Рев. Ком. Корнилов с Керенским, Керенский сносится по телефону с Михаилом Александровичем. *Вся власть перешла Советам в Крыму (Севастополь, Евпатория, Феодосия)*. В Симферополе образовался параллельный Комитет Спасения Революции. *Узловые станции Орша, Молодечно, Минск в наш*

руках. Столичные газеты в провинцию не доходят. Питер плохо осведомлен о провинции. Просим полученные от нас сведения распространять в вашем районе и нас посредством писем информировать о положении дел у вас.

30 октября 1917 г.

БЮЛЛЕТЕНЬ ЦК БОЛЬШЕВИКОВ № 3.

Согласительная комиссия, состоящая из представителей ЦИК, ЦК всех партий, ЦК союза железнодорожников и почтово-телеграфных служащих, ни к какому результату не пришла. Оборонцы выставили следующие условия: 1) большевики должны объявить, что все полки переходят от Военно-Рев. К-та в распоряжение Городской Думы, 2) рабочие должны разоружиться и не сопротивляться войскам Керенского, 3) выпустить арестованных Военно-Революционным К-м, 4) распустить Военно-Рев. К-т. На эти условия не согласны большевики, левые эсеры, меньшевики-интернационалисты, меньшевики объединенных интернационалистов; ЦК железнодорожников «Викжель» и почтово-телеграфных служащих колеблются. *Общее собрание железнодорожных служащих ст. Званка постановило: стачечного комитета не образовывать и к забастовке не приступать*, если она будет объявлена «Викжелем». Такие же сведения получены из других пунктов. В городе спокойно. Штат высших телеграфных служащих будет удален; возможно, телеграф временно прекратит работу. Почта функционирует. Офицеры авиационной школы в Лесном пытались разоружить Красную гвардию. В Царском и в Павловске уже наши войска. Три латыш-

ских полка заняли Гатчину. При штабе Керенского по слухам Войтинский и Савинков. В Москве бой на улицах продолжается. Есть сведения, что в помощь Москве идут войска из ближайших городов. На Урале власть перешла к Советам. По слухам Харьков занят Калединым. Телеграфное сношение между Ревелем и Петербургом прервано вследствие порчи проводов. Ревель сносится через Гельсингфорс. В Финляндии настроение бодрое. В Шлиссельбурге образовался уездный Военно-Революционный К-т. Избран начальник гарнизона.

31 октября 1917 г.

БЮЛЛЕТЕНЬ ЦК РСДРП (БОЛЬШЕВИКОВ) № 4.

ЦК объединенных меньшевиков признал единственным выходом из создавшегося положения образование однородного министерства из социалистов, начиная от н. с. и кончая большевиками. Состоялась *Петербургская городская конференция эсеров*. На ней было 99 левых и 4 правых. Конференция призывает к полному подчинению и содействию комитету Совета Народных Комиссаров. Фракция эсеров ЦИК приняла такую же резолюцию. Левые эсеры официально заявили о том, что принимают участие во всех работах Рев. Комитета. После занятия Царского Села у Керенского осталось всего 700 человек казаков. В наши руки попали тяжелая артиллерия и один блиндированный поезд. Из Луги к Керенскому была прислана помощь в лице казаков и 350 эсеров. Делегаты от Лужского гарнизона в Рев. Комитете заявили, что они идут против своего Совета и, вернувшись к себе, тотчас произ-

ведут перевыборы и выкинут всех оборонцев из Совета. В течение вчерашнего дня в Военно-Рев. Комитете были делегаты от *5-й, 1-й, 12-й, 10-й, 2-й, 3-й и 8-й армий*, с сообщениями о о том, что и их армии идут с Петербургским Советом и везде вынесены соответствующие резолюции. Отовсюду сведения о бодром настроении. В Москве движение успокаивается. Подошли войска из провинции; между прочим из Ростова Ярославского прибыла артиллерия, которая и помогает московскому гарнизону справляться с противником. В Петербурге продовольствия имеется на 7 дней. Матросы производят розыски припасов по всему городу и обнаружили уже 80 тыс. пудов муки, 50 тыс. пудов сахара, 30 тыс. пудов капусты. Сегодня в 6 час. утра к казакам должна поехать делегация от петербургских полков и от фронтовиков и предложить им сдаться и не вести борьбы. В Минске после первых дней победы Совета ему пришлось потерпеть поражение и уступить главенство контрреволюционному фронтовому комитету, который частью уже переизбран, но не слагает своих полномочий. Ввиду создавшегося положения армии, переизбравшие уже своих представителей, направляют на Минск свои части, чтобы сместить комитет и передать власть Совету. Фронтовой комитет успел вывезти снаряжение и передать его казакам, окружающим Минск, но оружие в руках у Совета. Положение тотчас изменится с приходом фронтовиков. Аналогичное положение в Смоленске. В Орше существуют Военно-Рев. К-т и Комитет Спасения Революции, власть в руках у первого. Вызванный Керенским с фронта полк, узнав в Орше о положении дел, остановился в Орше и несет караульную службу на вокзале, не пропуская контр-

революционеров. Казаки в Орше колеблются. В Саратове было столкновение гарнизона с юнкерами и офицерством (только два офицера остались с гарнизоном). Победа за Советом. В Тамбове власть в руках Совета, но кадеты распространяют ложные слухи о Питере, и возможно столкновение. Дольше всего упорствовала кавалерия, но пехотинцы заставили ее сдаться, окружив ее. В Вильманстранде в Финляндии казаки волновались, разагатированные представителями казачьих войск. Для успокоения их посланы делегаты от Выборгского Совета, армейского комитета и казачьих частей, находящихся в Выборге. В Гомеле Совет принял резолюцию о поддержке Петербургского Совета, но исп. ком., избранный на пропорциональных основах, не проводит этого постановления в жизнь. Харьков до воскресенья вечера ничего не слыхал о Каледине. Гарнизон наш очень сильный. С западного фронта сообщают о фактическом перемирии. Солдаты с обеих сторон выходят косить осеннюю осоку. Братанья нет.

1 ноября 1917 г.

БЮЛЛЕТЕНЬ ЦК РСДРП (БОЛЬШЕВИКОВ) № 5.

Казаки в Гатчине перешли на сторону Совета после переговоров с народным комиссаром Дыбенко и представителем 5-й армии. Казацкий дивизионный комитет принял решение срочно закончить гражданскую войну, арестовать Керенского, выдать его в распоряжение Военно-Рев. Комитета, чтобы предать гласному народному суду. Керенский переодетый бежал. Казаки приняли энергичные меры к его задержанию. Штаб Керенского, Краснов и Войтинский арестованы. Гатчина

занята Финляндским полком, там полный порядок. Караул несет Финляндский полк вместе с казаками. В Гатчине 1 ноября организован Военно-Рев. Комитет, в который вошли казаки-уссурийцы, стоящие на платформе перехода власти к Советам. Петербургская Дума созывается на *8 ноября* для воссоздания власти. Сбор представителей городских и земских самоуправлений и Исп. Ком. Сов. Кр., Р. и Солд. Деп. С Урала получены сведения, что там все спокойно. ЦИК *принял резолюцию*, предложенную фракцией большевиков (40 против 30), о соглашении социалистических партий желательным. ЦИК заявляет, что соглашение может быть достигнуто только на следующих условиях: 1) признание программы Советского правительства, как она выражена в декретах о земле, мире, в обоих проектах о рабочем контроле; 2) признание необходимости беспощадно бороться с контрреволюцией (Керенский, Корнилов, Каледин); 3) признание II Всеросс. съезда советов рабоч. и солд. деп. с участием крестьян единственным источником власти; 4) правительство ответственно перед ЦИК; 5) полное отклонение правительства в ЦИК организаций, не входящих в состав Советов; 6) дополнение ЦИК представителями от непредставленных в нем Сов. Раб., Солд. и Кр. Деп. и Всеросс. проф. организаций, как то: Сов. проф. союзов, Сов. фабр.-зав. комитетов, Викжеля и почт.-тел. союза при условии и только после перевыборов Всер. Сов. Кр. Деп. и тех войсковых организаций, которые не переизбирались за последние три месяца. Разосланы телеграммы от ЦИК, В.-Р. Ком. и Совета Народных Комиссаров о задержании Керенского. В 12 час. ночи на 1 ноября в Финляндии началась всеобщая политическая

забастовка: проведение в жизнь законопроектов, принятых Сеймом в июне-июле.

2 ноября 1917 г.

БЮЛЛЕТЕНЬ ЦК РСДРП (БОЛЬШЕВИКОВ) № 6.

Меньшевики раскололись. Либер, Скобелев и др. вышли из ЦК. По слухам, раскалываются и эсеры. ЦИК *по вопросу о соглашении принял следующую резолюцию*: ЦИК считает желательным, чтобы в правительство вошли представители тех социалистических партий и Советов Р., С. и Кр. Деп., которые признают завоевания революции 24—25 октября, т. е. власть Советов, декреты о земле, о мире, рабочем контроле и вооружении рабочих. ЦИК постановляет поэтому продолжить переговоры о власти со всеми советскими партиями и настаивает на следующих условиях соглашения. Правительство ответственно перед ЦИК — ЦИК расширяется до 150 человек. К этим 150 делегатам с.-р. и с.-д. добавляется 75 делегатов от губернских кр. сов., 80 от войсковых частей и от флота, 40 от профессиональных союзов (25 от Всеросс. проф. объединений, 10 от «Викжеля» и 5 от почтово-телегр. служащ.) и 50 делегатов социалистических от Петербургской Гор. Думы. В правительстве не менее половины мест должно быть предоставлено большевикам. Министерства труда, внутренних дел и иностранных дел должны быть предоставлены большевистской партии во всяком случае. Распоряжение войсками Московского и Петербургского округов принадлежит уполномоченным Московского и Петербургского С. Р. и С. Д.

Правительство ставит своей задачей систематическое вооружение рабочих по всей России. Постановляется настаивать на кандидатурах тт. Ленина и Троцкого. Резолюция принимается голосами всех против 6 при 1 воздержавшемся. Народный комиссар почт и телеграфов увольняет всех контрреволюционеров на телеграфе, которые, получая отставку, обязаны являться к воинскому начальнику. Вакансии их замещаются товарищами из профессиональных союзов, знакомыми с телеграфным делом. В Иваново-Вознесенске все бастовавшие почтово-телеграфные служащие после 4 часов ареста дали подписку в том, что будут исправно выполнять свою работу. Финляндская ж. д. забастовала вплоть до Петербурга, и таким образом Россия отрезана от Европы. В Петербурге конфисковано 300 тыс. пудсв хлеба. Служащие и рабочие Николаевской ж. д., помимо своего комитета, отправили 4 воинских поезда в помощь Москве, в том числе один поезд матросов и один блиндированный. В Москве власть перешла к Совету. Юнкера сдались. Новгородский совет оборонческий, но за ним идет только один ударный батальон, которому Воен.-Рев. Ком., избранный кавалерийскими частями, заявил, что не пустит их, а уложит всех до одного. Однако Воен.-Рев. Ком. действует в контакте с Советом и железнодорожниками, которые не хотят давать вагонов ни одной стороне. К Гатчине 3 ноября подошли ударники, и произошли стычки, но затем они послали делегацию в Петербург в Смольный, и оттуда делегация уехала с решением убедить свою часть ехать назад на позиции. *2 ноября ЦК РСДРП* принял следующую резолюцию: 1. ЦК подтверждает, что, изменяя лозунгу власти Советов Р., С. и Кр. Деп., нельзя

перейти к мелкому торгашеству за присоединение к Советам организаций несоветского типа, т. е. организаций не добровольного объединения революционного авангарда борющихся за свержение помещиков и капиталистов масс; 2. ЦК подтверждает, что уступки ультиматумам и угрозам меньшинства Советов равносильны не только полному отречению от Сов. власти, но и от демократизма, ибо такие уступки равносильны боязни большинства использовать свое большинство, равносильны подчинению анархии и повторению ультиматумов со стороны любого меньшинства; 3. ЦК подтверждает, что, не исключая никого со II Всеросс. Съезда Советов, он и сейчас вполне готов вернуть ушедших и признать коалицию этих ушедших в пределах Советов, что, следовательно, абсолютно ложны речи, будто большевики ни с кем не хотят разделить власти; 4. ЦК подтверждает, что в день образования теперешнего правительства, за несколько часов до этого образования, ЦК пригласил на свое заседание трех представителей левых эсеров и формально предложил им участие в правительстве. Отказ левых эсеров, хотя он был временным и условным, возлагает всецело и всемерно всю ответственность за несостоявшееся соглашение с ними на этих левых эсеров; 5. ЦК напоминает, что состоялось внесенное фракцией большевиков постановление второго Всеросс. Съезда Сов., выражающее готовность пополнять Совет солдатами из окопов и крестьянами с мест, из деревень, что, следовательно, абсолютно ложны утверждения, будто большевистское правительство против коалиции с крестьянами. Напротив, ЦК заявляет, что земельный закон нашего правительства, целиком списанный с эсеровского наказа, доказал на деле

полную и искреннейшую готовность большевиков осуществлять коалицию с огромным большинством населения России; 6. ЦК подтверждает наконец, что, вопреки всем трудностям, победа социализма и в Европе и в России обеспечивается только неуклоннейшим продолжением политики теперешнего правительства. ЦК выражает полную уверенность в победе этой социалистической революции и приглашает всех скептиков и колеблющихся бросить все свои колебания и поддержать всей душой и беззаветной энергией деятельность этого правительства.

БЮЛЛЕТЕНЬ ЦК РСДРП (БОЛЬШЕВИКОВ) № 7.

ВЦИК большинством 34 против 24 принята резолюция Ленина и Троцкого против свободы печати. Народные комиссары Ногин, Рыков, Милютин, Теодорович, Рязанов, Добрышев сложили с себя звание народных комиссаров. Ими подано следующее заявление в ЦИК, Сов. Раб. и Солд. Деп. и Совнарком: «Мы стоим на точке зрения необходимости образования социалистического правительства из всех советских партий. Считаем, что только образование такого правительства дало бы возможность закрепить плоды героической борьбы рабочего класса и революционной армии в октябрьско-ноябрьские дни; полагаем, что для (? *Ред.*) есть только один путь — сохранение чисто большевистского правительства средствами политического террора. На этот путь вступил Совнарком. Мы на него не можем и не хотим вступать. Мы видим, что это ведет

к отстранению массовых пролетарских организаций от руководства политической жизнью, к установлению безответственного режима и к разгрому страны и революции. Нести ответственность за эту политику мы не можем и потому слагаем с себя перед ЦИК звания народных комиссаров». Комиссар Шляпников, присоединяясь к общей оценке политического момента, считает недопустимым сложить с себя ответственность и обязанности. Каменев, Рыков, Милютин, Зиновьев и Ногин вышли из состава ЦК большевиков. Немецкие и австрийские социалисты приветствуют русскую революцию. Венский пролетариат требует немедленного перемирия. Французские интернационалисты приветствуют большевиков. В Харькове власть находится в руках Рев. Ком. Подступа казаков к Харькову не было. В Красноярске власть в руках Советов, сведений о Петербурге и всей России нет, просят сообщить, чем и как могут помочь петербургскому движению. В Челябинске убито 500 человек, масса раненых. Викжель принимает меры для доставки продовольственных грузов в Петербург. Из 1 000 ударников, подошедших к Гатчине 4 ноября, сдалось 700, остальные разбежались, за остальными послана погоня, и надеются их остановить и разоружить. Из Двинска сообщают: поставлены заставы на путях к Петербургу, Режица, Сокольники, и установлена связь до Смоленска. 5-я армия задержала три казачьих полка, 16 броневиков и 1 бронированный поезд с определенно враждебным настроением. Если Петербургу потребуется помощь, то через 24 часа после радиограммы отряды 5-й армии будут под Петербургом, под Смоленском и в Великих Луках.

Резолюция фракции большевиков принята в заседании ЦИК С. Р. и С. Деп. Закрытие буржуазных газет вызывалось не только чисто боевыми потребностями в период восстания и подавления контрреволюционных попыток, но и являлось необходимой переходной мерой для установления нового режима в области печати, такого режима, при котором капиталисты — собственники типографий и бумаги — не могли бы становиться самодержавными фабрикантами общественного мнения. Дальнейшей мерой должны быть конфискация частных типографий и запасов бумаги и передача их в собственность Советской власти в центре и на местах с тем, чтобы партии и группы могли пользоваться техническими средствами печатания сообразно своей действительной идейной силе, т. е. пропорционально числу своих сторонников. Восстановление так наз. «свободы печати», т. е. простое возвращение типографий и бумаги капиталистам, отравителям народного сознания, явилось бы недопустимой капитуляцией перед волей капитала, сдачей одной из важнейших позиций рабочей и крестьянской революции, т. е. мерой безусловно контрреволюционного характера. ЦК предлагает поэтому большевистской фракции ЦИК категорически отвергнуть всякие предложения, клонящиеся к восстановлению старого режима в деле печати, и безоговорочно поддержать в этом вопросе Совнаркомом против претензий и домогательств, продиктованных мелкобуржуазными предрассудками или прямым прислужничеством интересам контрреволюционной буржуазии.

5 ноября 1917 г.

«Пролетарская Революция», № 1, 1921 г.

К. Ворошилов.

Из недавнего, бесконечно далекого, прошлого[1].

(Октябрьские дни в Луганске.)

Октябрьские дни в городе Луганске были обыкновенными днями, похожими на предшествовавшие дни и сентября, и августа 17 года.

Помнится только, что по получении телеграмм из Питера о перевороте я, как председатель Луганского Совета, созвал пленум последнего и доложил радостную весть.

Сообщение было выслушано серьезно, сосредоточенно. Посыпались деловые вопросы Исполкому о принятых мерах, усилении охраны, общей бдительности, дополнительных арестах; относительно банка, суда, телеграфа и пр.

Но все эти вопросы носили скорее характер контрольный, проверочный, чем актуальный, так как члены Совдепа отлично знали, что все это в значительной части уже сделано, а остальное будет осуществлено немедленно.

Необходимо отметить следующее: Луганск, этот активнейший из революционных пролетарских центров Юга России, с марта мес. 17 г. взял прямой курс на пролетарскую диктатуру, и вследствие ряда причин луганскому пролетариату фактически удалось овладеть властью, осуществить свою диктатуру задолго до Октября.

В 1905—1907 гг. луганская организация большевиков насчитывала до 2½ тысяч членов партии. Меньшевики и эсеры никогда не могли обосноваться в этом городе, несмотря на то, что мень-

[1] Из сборника «Октябрь». Гиз. Донское отделение, 1921 г.

шевики одно время (1906 г.) господствовали во всем Донбассе.

Царская реакция 1908—1912 гг. жестоко потрепала ряды нашей организации, но луганская база осталась за нами прочно, и партийная жизнь не прекращалась даже в самые мрачные дни реакции.

Мартовский переворот 1917 г. сразу вдохнул живую душу в работу нашей организации, насчитывавшей к этому времени всего лишь до 40 чел.

В марте 1917 г. ЦК и Бюро фракции Питерского совета по моей просьбе я был командирован в гор. Луганск.

В меньшевистском совете Луганска я был встречен весьма радушно, мне, не задумываясь, как старому луганчанину, предложили председательствование в Совете. Я отказался. Тут мне представилась возможность близко познакомиться и с составом Совета, и с его настроением, и с тем «душком», которым была пропитана рабочая масса.

На повестке дня стоял вопрос о праздновании 1 мая.

Огромное большинство депутатов стояло за работу в день первого мая, посвятив его фронту.

Горячо выступали меньшевистские и просто хулиганские (были и такие) ораторы, доказывая недопустимость каких-то празднеств во время великой войны, ведущейся за свободу человечества.

В Совете насчитывалось 10—15 большевиков, и их выступления тонули в гуще шовинистического воя всего Совета.

Выступил я. Выслушали внимательно, но нервно. Чувствую, что симпатии большинства ко мне исчезли. Наши ребята готовы пуститься в рукопашную и требуют снятия вопроса и перенесения его на заводы для предварительного обсуждения в массах.

На заседании появляются только что прибывшие из Питера официальные представители Исполкома Петроградского совета, втородумцы-меньшевики, — Нестеров, Нагих и Баташов. После приветствия и пр. двое из прибывших высказываются за работы в день 1 мая. Мотивы те же.

Баташов высказался за празднование, сославшись на Питер, где также решили праздновать. Выступаем снова и снова. С большим трудом и скандалом удается большинством одного голоса вырвать решение о праздновании международного праздника. Поведение меньшевиков глубоко возмутило наших товарищей, а новичкам в политике открыло на многое глаза. Некоторые тут же заявили, что они не доверяют теперь меньшевикам.

Нечего и говорить конечно, что на широких рабочих митингах мы во-всю разоблачили меньшевистских заправил, должным образом использовав их поведение в вопросе о 1 мае.

В продолжение нескольких дней на тысячных рабочих митингах мы выступаем совместно с прибывшими официальными представителями соглашательской власти. Мои и других товарищей речи в первое время встречались не только сдержанно, но в некоторых местах даже враждебно. Помогали нам сами меньшевистские ораторы. После речей этих идейных предателей рабочего класса было нетрудно дорисовать картину того рая, который готовился пролетариям и крестьянам России этими господами, разделившими по-братски власть с помещиками и буржуазией.

В каких-нибудь две-три недели наша организация, впитавшая за это время всех старых большевистских бойцов-пролетариев, стала мощным рычагом в руководстве всем движением не только города, но и его районов. Меньшевики больше

не осмеливаются показываться на рабочих митингах.

Главные улицы города по вечерам стали представлять своеобразный клуб.

Тысячи групп и кучек, состоявших из разнородных элементов: рабочих, служащих, солдат, оргашей, крупных буржуа и пр., тесным кольцом окружали какого-нибудь «орателя» и его оппонента. Обыкновенно слушатели быстро делились на два лагеря, и завязывался жестокий спор. Эти своеобразные, только революцией порожденные личные диспуты затягивались далеко за полночь. Жизнь била ключом. Пролетарии все больше и больше проникались истинно-революционным духом, увлекая за собой даже эсеров, этих жалких спышкопускателей.

Через месяц нами были уже созданы сильные боевые дружины. Оружие достали частью у местной воинской команды, частью извлекли из реки и других тайников, где оно пряталось в течение 10—11 лет со времени роспуска боевых дружин, созданных по постановлению Стокгольмского съезда РСДРП (1906 г.).

Меньшевики, увидев свой полный провал в рабочих массах, начали закреплять за собой Совет. Создалось весьма своеобразное положение. Совет носил название «Совета Рабочих и Солдатских Депутатов», а солдат не было (гарнизонный совет существовал отдельно и целиком находился в руках офицерства), рабочие же представители были в меньшинстве. Зато было много учителей, лиц свободных профессий, домовладельцев, был даже один товарищ прокурора.

Все попытки нашей организации и настойчивые требования завкомов о перевыборе Совета не имели успеха.

Совет своим большинством неизменно нас проваливал. Но в практической, повседневной жизни никакие усилия меньшевиков и их прокуроров не могли помешать развиваться и крепнуть истинно пролетарской власти. Меньшевистский Совет вынужден был соглашаться со всеми требованиями завкомов и чутко прислушиваться к голосу нашей организации, ставшей центром и руководителем бурной жизни города. Наша боевая дружина взяла на себя охрану заводов и города. Все магазины были взяты на учет и закрыты. Товары отпускались только с ведома специальной комиссии.

Почта, телеграф, банк и пр. — все охранялось членами боевой дружины. Всюду был от Совета контроль, конечно большевистский.

Совдеп висел в воздухе и постепенно хирел. Не помогло и объединение с солдатской частью. Мы без труда выбросили офицеров из его состава, а солдаты в большинстве стали на нашу сторону.

Июльские дни в Питере окрылили надеждами и луганских меньшевиков. Уездный комиссар, втородумец Нестеров задумал даже какую-то провокацию против нашей организации, но это нам казалось глупенькими шалостями ошалелых людей по сравнению с той гигантской работой, которую развернула наша организация.

Наступило время выборов в Городскую Думу (июнь — июль). Все свои надежды, все лучшие чаяния отдали меньшевики этой работе. Им так была нужна дума — ведь они чувствовали, что из Совета они скоро вылетят — на первых же выборах. Но Городскую Думу завоевали мы. Получив огромное большинство по сравнению с другими партиями (м-ки, к-д, эсеры), мы выбрали своего гор. голову А. И. Черникова и председателя Гор. Думы меня. Вскоре состоялись пере-

выборы Совета, и мы получили около 95% депутатских мест. Я был избран и председателем Совета.

Началась еще более горячая, еще более тяжелая, но благодарная работа. Вспоминаю я свое председательствование на думских собраниях.

Чинно и важно собирались гласные, среди которых было несколько домовладельцев-черносотенцев, и, усевшись за столы, покрытые красным сукном, терпеливо сидели и ждали, пока наша фракция в кабинете головы решит все вопросы.

Сколько ненависти, сколько ярой злости было против нашей фракции у так называемой революционной демократии! Но пролетарии держались твердо и вели свое дело совсем не худо. Наш молодой, но энергичный городской голова стал завоевывать симпатии даже среди мещанства. Наша городская земельная политика (у Луганска есть своя земля и лес) и др. хозяйственные мероприятия окончательно закрепили за нами симпатии широких городских масс.

Став хозяевами города, нам легче стало справляться с многими затруднениями на заводах. И некоторые материалы, и продовольствие, и даже кредит — все было использовано для удержания заводов на определенном уровне производительности. И нам это удавалось. Заводская администрация, получивши рабочий контроль, быстро превратилась в настоящую управляющую дирекцию. Дело шло не хуже, а много лучше, чем раньше, несмотря на саботаж, в котором не раз уличали высший персонал заводской администрации.

Наступили тревожные Корниловские дни. Местная буржуазия и свободные от дела меньшевики не скупились на провокацию, распространение

всяческих слухов и т. п., снова для них явилась робкая надежда...

Нами был создан под моим председательством Военно-Революционный Комитет защиты революции, куда вошли эсеры и сначала меньшевики. Ночью были переарестованы офицеры, некоторые буржуа и начальник гарнизона Ратаев. Охрана города и патрулирование были усилены. Вместо арестованных офицеров были назначены из Совета солдаты. Все эти невинные операции так подействовали на слабонервных меньшевиков, что они, вопреки своим «обычаям», не поставив нам даже ультиматума, сбежали из ВРК. Эсеры (двое) остались персонально, потом оба вошли в нашу партию. С этого времени Луганск с его неугомонными пролетариями буквально превращается в боевой лагерь.

Дело в том, что соседство с Донобластью и старая, оставшаяся от первой революции вражда между красным Луганском и весьма черным Доном порождали массу вздорных и серьезных слухов, предположений и ожиданий.

Не проходило дня, чтобы «по слухам» на Луганск не двигались казачьи сотни, полки и даже дивизии. На деле ничего этого не случилось, но в то же время это заставляло нашу Красную гвардию (так, переменив название, именовалась боевая дружина) нести большие и тяжелые наряды. С тех пор я много видов видывал, но по совести должен сказать, такой добросовестной, такой самоотверженной и бескорыстной службы революции на боевых постах, как ее выполняли луганские пролетарии, я видел мало.

В дождь, невылазную грязь и холод, страшную темень ночи шли группами красногвардейцы после трудового дня на заводе за город, в степь и до

утра верными стражами оберегали всевозможные подступы к городу. И так не день, не два, а целые месяцы.

Для луганской организации в то время не стояло вопроса о возможности перехода власти к пролетариату, мы ждали только известия, когда это случится, в полной уверенности, что не случиться этого не может.

Поэтому когда нужно было послать делегатов на II Всеросс. Съезд Советов, ни меня, ни других ответственных товарищей организация не пустила в полной уверенности, что переворот произойдет, и нам на всякий случай лучше быть на месте.

Казаки и тут были главным мотивом, а наши патроны и паровозы фигурировали в качестве доказательств.

Октябрьский переворот совершился. Луганская организация и весь пролетариат этого района вздохнули легко и радостно, он почувствовал теперь всю несокрушимость вместе со всем российским пролетариатом и еще упорнее принялся за дело пролетарского строительства.

Наряду со всей массой дела луганская организация усердно вела работу по выборам в Учредительное собрание. В нашем уезде мы получили около 80% всех поданных голосов. От нашего уезда были посланы в Учредилку И. Х. Лутовинов и я. В ноябре я выехал в Питер. Вернулся в Луганск только в марте 1918 г. Немцы в это время уже занимали Киев и шли к Харькову. Средствами Луганского совета был создан из луганских пролетариев отряд в 540 человек, во главе которого я двинулся навстречу немцам. В продолжение месяца луганские пролетарии честно дрались с регулярными немецкими войсками у города Конотопа, не раз нанося врагу

жестокий урон, а затем по приказу отошли к Харькову.

Тут уже начинается длинная эпопея военных действий, о которых пусть расскажут другие.

В заключение скажу, что луганская организация дала революции большое количество видных практических революционных работников, которые вышли в 1918 г. вместе со многими отрядами из Луганска под давлением немецких полчищ и, подобно пишущему эти строки, не вернулись больше в этот поистине революционный пролетарский город, который являлся для нас не только объектом работы, но и прекрасной пролетарской революционной школой.

Ф. Самойлов

Октябрьская революция в Иваново-Вознесенске[1].

Иваново-Вознесенск как один из крупнейших промышленных пунктов России, с громадным рабочим населением, еще в дореволюционные времена являлся одним из главных очагов революционного движения в России, а в дни Октябрьской революции был одной из основных ее баз.

Говоря о его роли в Октябрьской революции, нельзя умолчать о том, что не только стремление к захвату власти, но и прямое проявление себя властью в иваново-вознесенских рабочих имелось на деле еще задолго до Октябрьских дней 1917 г. Так еще на митинге 1 мая 1917 г. на Городской площади, после речи Н. А. Жиделева, толпой рабочих, участников митинга, был самовластно арестован ряд виднейших монархистов, — участ-

[1] «Прол. Рев.» № 110 (33), 1924.

иков и руководителей черносотенного погрома октябре 1905 г.

Было так: Н. А. Жиделев между прочим казал, что вот, мол, товарищи, у нас теперь побе- ила революция, старой царской власти уже ет, а вместо нее есть так называемое Временное правительство, но, несмотря на это, наши злейшие раги-монархисты, ярые защитники царской вла- ти, те, которые по приказу полиции до революции ромили, убивали и всячески над нами издевались, се они до сих пор находятся на свободе, и власти Временного Правительства не только не собираются одвергнуть их заслуженному наказанию, но и вся- ески их защищают. До каких же пор это безобра- ие будет продолжаться? Этого дальше терпеть ы не должны, а должны немедленно с ними рас- равиться сами. После этих слов Жиделева тол- ой рабочих тут же была арестована и посажена тюрьму целая группа известных тогда в городе идных черносотенцев (Каражевы, Селиванов- кий и многие др.).

Это событие стало известно центральным вла- ям, и в Иваново-Вознесенском Исполкоме очень оро был получен приказ Керенского освободить естованных. На это бывший тогда председателем сполкома Н. А. Жиделев ответил Керенскому, о «ввиду того, что арестованные являются важ- ми преступниками-контрреволюционерами и по делу ведется следствие, они освобождены быть могут». В ответ на это из центра поступил вый приказ, еще более решительно требующий медленного освобождения арестованных. Но на от приказ было отвечено еще более категориче- им отказом его выполнить. Тогда в Иваново- знесенск из центра явился какой-то прокурор еньшевик), но ему было предложено убираться

«по-добру, по-здорову» обратно и не лезть в дела, в которых он ничего не смыслит. Он уехал ни с чем, а арестованные громилы продолжали сидеть под арестом, и следствие по их делу продолжалось в прежнем порядке.

Это было первое открытое неподчинение иваново-вознесенцев власти Временного правительства. После этого в глазах последнего мы в первый раз попали на «черную доску» как опасный, бунтующий пункт.

Второй случай, когда Иваново-Вознесенский Совет Раб. и Солд. Деп. проявил себя властью, не подчинявшейся существовавшим и охраняемым тогда Врем. прав. законам, был в середине июня. Ввиду большого неудобства помещения, находившегося на Напалковской улице и занимавшегося тогда Иваново-Вознесенским Исполкомом, однажды на заседании Исполкома было решено подыскать новое, более подходящее помещение. Решение это было поручено выполнить тогда же избранной для этого специальной комиссии в составе тт. Н. А. Жиделева, В. С. Бубнова (занимавшего тогда должность начальника городской милиции) и Д. И. Шорохова. Комиссии были даны широкие полномочия вплоть до реквизиции, если это потребуется.

Очень скоро комиссией был намечен на Александровской ул. дом фабриканта Полушина. Владелец И. Н. Полушин в качестве офицера старой армии в то время находился на военной службе, а дом его был арендован фабрикантом Дербиневым, и в нем жила старуха Дербинева. От заведывавшего тогда фабрикою Дербинева Кучина члены вышеназванной комиссии случайно узнали, что срок аренды дома Полушина Дербиневым уже подходил к концу.

Когда комиссия явилась в названный дом и заявила жившей там старухе Дербиневой — не угодно ли, мол, вам из дома убираться, так как мы этот дом должны будем занять для Совета; старуха ответила, что дом не ее, что она только арендатор и что поэтому обращайтесь, мол, к владельцу дома. Когда ей напомнили, что срок аренды уже истекает, старуха начала сильно волноваться и кричать, что ее выселить никто не имеет права, что это насилие, что дом есть частная собственность, поэтому, если ее выселят, она будет жаловаться англичанам, французам и т. д.

После этого члены комиссии явились к фабриканту С. Н. Полушину, брату владельца дома. Последний встретил их очень вежливо и на его вопрос: «чем могу служить?» — сначала отвечал в соответствующей вежливой форме В. С. Бубнов. Полушин сказал, что дом не его, а его брата, что поэтому нужно обращаться к брату, а не к нему. Тогда уже в более решительной форме Жиделев заявил, что раз Совету дом нужен, владельцы дома должны пойти ему навстречу, ибо Совет есть фактическая власть в городе и так далее, но Полушин упорно отвечал, что дом есть частная собственность его брата и что он тут сделать ничего не может и так далее. Тогда Д. И. Шорохов заговорил в еще более решительной форме. Он потребовал от Полушина написать записку о том, что он Полушин, зная своего брата как не противника революции, ручается за то, что в случае занятия его дома Советом он, его брат, сопротивляться этому не будет и т. д. Полушин эту записку дал и дом очень скоро был занят Советом, и Гор Дума, в которой в это время большинство гласны были большевики, санкционировала этот акт ре квизиции недвижимой частной собственности.

С. Н. Полушин, несмотря на данную им записку, послал жалобу в центр на незаконный захват Иваново-Вознесенским Советом дома, а сам скрылся неизвестно куда. В результате из центра явился какой-то следователь и приступил было к расследованию этого дела. Но следователю этому была показана вышеназванная бумажка Полушина и предложено было убираться во-свояси, что он и сделал.

В начале июля, получив сведения о начавшемся восстании в Петрограде, Иваново-Вознесенский Совет решил немедленно приступить к захвату власти в городе. Расставил свои пикеты на почте и телеграфе и при полном содействии Городской Думы фактически захватил всю власть. Только благодаря провалу восстания в Петрограде и нам, иваново-вознесенцам, пришлось на этот раз отступить. Пикеты наши всюду были сняты, а в Городской Думе по этому поводу произошел большой скандал. Кадетско-меньшевистско-эсеровское меньшинство ее кричало и шумело на все лады, обвиняя большевиков в преступлении против революции, называя захватчиками, авантюристами и т. д. Помню, на этой почве в пылу спора между В. С. Бубновым (начальником милиции) и гласным Думы Грушке (учитель реального училища) произошло столкновение, дошедшее до здоровой драки, но впоследствии, ввиду извинения Грушке, инцидент этот был ликвидирован мирным путем.

Нашу попытку захватить власть было не так легко ликвидировать. Вскоре в Иваново-Вознесенск, как и в некоторые другие опасные для Временного правительства промышленные пункты, была назначена карательная экспедиция. Но после неудачи подобных экспедиций, кажется в Нижнем-Новгороде и еще где-то, дело это сор-

валось. Тогда правительством Керенского все мы, т. е. большевики — члены Совета и гласные Думы, были привлечены к ответственности по знаменитой 102 статье еще старых, столь известных нам в дореволюционное время царских законов.

Назначено было следствие, и в качестве следователя по этому делу к нам явился А. М. Братенши, бывший тогда губернским комиссаром Врем. правительства. По приезде в Иваново-Вознесенск он явился к Д. И. Шорохову и, сообщив, что ему поручено вести следствие по нашему делу, спросил Шорохова, как ему вести его: через Совет или через Городскую Думу? Шорохов ответил ему, что это, мол, уже ваше дело, как хотите, так и ведите. Как вел это дело Братенши, я не помню, но знаю, что он старался просто тянуть время и в конце концов, не выполнив этого поручения, ушел в отставку. Не знаю, кто был его заместителем и продолжалось ли следствие.

В течение ряда месяцев до Октябрьской революции Иваново-Вознесенск бурлил и шумел, как громадный паровой котел, напряженно подготовляя почву для власти Советов. За все это время на бесчисленных собраниях и митингах гремели слова представителей могущественной, как нигде, Иваново-Вознесенской организации большевиков: «Вся власть Советам Рабочих, Солдатских и Крестьянских Депутатов», и ничтожно-жалкие кадетско-меньшевистско-эсеровские группки тонули в огромной массе нашей организации и подавляющего большинства рабочих, настроенных большевистски. Поэтому к моменту Октябрьского переворота наш город был не только готов полностью к захвату власти, но и жаждал этого захвата, ожидая со дня на день, с часу на час от нашего

партийного центра известий и директив для того, чтобы осуществить это желание.

В ночь с 25 на 26 октября (ст. ст.), во время заседания Совета, из Петрограда была наконец получена долгожданная весть о падении Временного Правительства и об организации Совета Народных Комиссаров. Я тогда был председателем Иваново-Вознесенского Исполкома и председательствовал на этом историческом заседании Совета Рабочих и Солдатских Депутатов. Помню, когда тов. Д. А. Фурманов, бывший тогда моим заместителем, взял слово для внеочередного сообщения и огласил только что полученное сообщение о нашей победе в Петрограде, произошло нечто такое, что трудно передать словами. Разом отовсюду послышались возгласы «браво», «ура», «да здравствует власть Советов», «да здравствует революция», «Интернационал! Интернационал!», — и понеслась могучая песня. Пели с таким воодушевлением и подъемом, как, казалось, никогда не пели.

После пения долго еще происходил обмен самых разнообразных мнений, был отклонен ряд внесенных сгоряча неудачных предложений, вроде: «выслать немедленно в Москву весь наш гарнизон, итти на фабрики и заводы и организовывать рабочих для отправки в Москву» и т. д. Когда настроение стало более спокойным, было решено принять меры к выяснению подробностей событий, организовать особый революционный штаб из 5 человек для руководства дальнейшей борьбой на первое время и для выработки соответствующих мер по обороне города. Штаб был составлен из товарищей А. С. Киселева, Дм. Фурманова, Д. И. Шорохова, А. И. Жугина и беспартийного (кажется железнодорожника) Бакина. Удалившись с заседания,

штаб тотчас же приступил к выполнению возложенных на него обязанностей.

На этом заседании Совета внезапно был пущен слух, что на станцию жел. дороги прибыл большой отряд казаков для принятия против вредных иваново-вознесенцев репрессивных мер. Получалось впечатление, что прибыл какой-то отряд карателей. Произошло небольшое замешательство, но срочно принятыми мерами было установлено, что никаких казаков на станции не было и что слух был повидимому простой провокацией с целью вызвать замешательство в наших рядах. Публика быстро успокоилась. В этот же вечер во всех важнейших учреждениях вновь избранным революционным штабом были поставлены вооруженные пикеты; на станцию жел. дор., на телефонную станцию, на почту и телеграф были посланы наши контрольные комиссары.

Стоявший в городе 199-й пехотный полк, хорошо распропагандированный нами еще задолго до Октября, конечно был весь на нашей стороне, и в нем также немедленно из надежных товарищей солдат (Жугина, Федорова и др.) организовался свой военно-революционный руководящий орган. На станции жел. дороги также быстро был создан особый коллектив для руководства движением. Словом, в течение кратчайшего времени нами было сделано все необходимое для полного перехода власти в наши руки. Многотысячная демонстрация рабочих вместе с солдатами нашего гарнизона шумно высказывала радость по поводу свержения власти буржуазии и соглашателей и клялась все свои силы отдать на защиту своей власти Советов Раб., Солд. и Кр. Деп.

Но не все еще было ясно в создавшемся положении. В Петрограде власть была наша, но

Москва еще была загадкой, там началась борьба с непожелавшими уступить без боя свое место представителями отмиравшей власти буржуазии и соглашателей. Создавалось тревожное положение, таившее в себе всякие неожиданные возможности. Поэтому наше главное внимание было направлено на оказание возможной поддержки истекавшей кровью в последней и решительной схватке революционной Москве. Чтобы быть ежеминутно в курсе всего там происходившего, наш прямой провод телефона работал почти круглые сутки беспрерывно, стараясь получить, какие только было возможно сведения из Москвы, в свою очередь немедленно их передавая в уездные города и все прочие связанные с ними промышленные пункты и местечки.

В первый день нам казалось, что у нас в рабочем городе положение совершенно ясное, наша большевистская организация, опиравшаяся на многочисленные рабочие массы и гарнизон, была так сильна, что никаких серьезных противников в городе для нас быть не могло. Все они против нас были бессильны и, казалось, что они никаких серьезных враждебных действий предпринять против нас не посмеют. Но мы ошиблись, на другой же день выяснилось, что на почте и телеграфе неблагополучно [1]. Иваново-вознесенские почтово-телеграфные служащие еще в 1905 г. показали себя с плохой стороны. Будучи явными противниками революции, они тогда не приняли никакого участия во всеобщей Октябрьской забастовке.

Этого обстоятельства мы не учли, поэтому выступление почтовиков явилось для нас неприят-

---

[1] Подробнее об этом см. статью Д. А. Фурманова, № 10 «Прол. Рев.» за октябрь 1922 г.

ной неожиданностью. Почтовики потребовали снять наш контроль с почты и телеграфа, угрожая в противном случае всеобщей забастовкой. Их было немного (около 200 человек), но ввиду невозможности заменить их другими мы были поставлены в довольно затруднительное положение.

Вопреки нашему желанию, вначале нам пришлось с ними поняньчиться порядочное время, пытаясь этот конфликт уладить миром, но скоро нам стало ясно, что миром тут ничего не поделаешь. Тогда было решено принять против почтовиков решительные меры, и почтовики все были арестованы.

Идя под конвоем до места заключения, они очень храбро пели революционные песни, но, просидев ночь в одной из фабричных столовых, они на утро заявили, что согласны стачку окончить и подчиняются всем распоряжениям новой власти.

После этого почтовики были освобождены. Такова была храбрость этих обывателей, ее хватило только на несколько часов.

О полном отсутствии какой бы то ни было доли гражданского мужества у этого элемента говорит следующий эпизод: через некоторое время после того, как почтовики были арестованы, к члену революционного штаба Д. И. Шорохову явился какой-то субъект и заявил, что он — почтовик и против произведенного над его товарищами насилия (ареста) он протестует и, желая разделить их участь, требует, чтобы и его немедленно арестовали и посадили к его товарищам, среди которых находится и его жена.

— А почему вы не были арестованы вместе с другими? — задает «храброму» субъекту вопрос Д. И. Шорохов.

— Я случайно не присутствовал на собрании своих товарищей, когда они были арестованы, — отвечает «храбрец».

— Так, — говорит Дмитрий Иванович Шорохов, — так вы настаиваете, чтобы я вас арестовал и посадил к вашим товарищам и вашей жене?

— Да, я требую этого, ибо желаю разделить участь страдающих от вашего насилия моих товарищей и моей жены, — снова заявляет с театральным пафосом почтовик.

— Хорошо, — говорит Д. И. Шорохов, — ваше желание будет исполнено. Но если уже вы такой храбрый, что так решительно и горячо желаете пострадать за свои убеждения, так вы будете отправлены не к вашим единомышленникам и не к вашей жене, о которой вы, должно быть, так заскучали, а в Красную (так называлась известная в Иваново-Вознесенске одиночная тюрьма, сложенная из красного кирпича).

Затем, обращаясь к находившимся тут же красногвардейцам, тов. Шорохов крикнул: «Отправить его». Но едва субъекта взяли и повели, как с ним внезапно произошла резкая перемена. «Храбрец» вдруг побледнел и, жалко трясясь всем телом, дрожащим голосом начал бессвязно лепетать извинения, что он, мол, это только погорячился, что новую власть он признает и будет ей подчиняться, что никакого ареста он не хочет и т. д. После этого Д. И. Шорохов отпустил «храбреца» во-свояси.

Далее организация новой власти в Иваново-Вознесенске пошла уже без особых инцидентов. И скоро наш город и весь район превратились в один из надежнейших опорных пунктов диктатуры пролетариата.

С.С.С.Р.
ИНСТИТУТ
К. Маркса и Ф. Энгельса
И. И. К.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА — ЛЕНИНГРАД

ОРГАНИЗАЦИЯ ДЕМОНСТРАЦИЙ

ЖЕМЧУЖНЫЙ, В.

КАК ОРГАНИЗОВАТЬ ОКТЯБРЬСКУЮ ДЕМОНСТРАЦИЮ

Пособие для октябрьских комиссий, политпросветов, профсоюзов, клубов.

Стр. 31. 1927. Ц. 10 к.

МАССОВОЕ ДЕЙСТВО

Руководство к организации и проведению празднования десятилетия Октября и других революционных праздников трудколлективов массового действа: I. 1-го коллектива массового действа О-ва строителей международного Красного стадиона. II. Коллектива массового действа Московского губотдела профсоюза текстильщиков. III. Коллектива массового действа военно-политических курсов при ПУРе.

Под ред. Н. И Подвойского и А. Р. Орлинского.

Стр. 238+16 л. рис. 1927. Ц. 1 р. 80 к.

ЗАКАЗЫ НАПРАВЛЯТЬ:

В ТОРГОВЫЙ СЕКТОР ГОСИЗДАТА РСФСР

Москва, Ильинка, Богоявленский пер., 4, тел. 2-65-31 и 5-50-80. Ленинград, Ленотгиз, проспект 25 Октября, 28, тел. 5-34-18 и во все отделения и магазины Госиздата РСФСР

МОСКВА, 64, ГОСИЗДАТ, „КНИГА—ПОЧТОЙ", или ЛЕНИНГРАД, ГОСИЗДАТ, „КНИГА — ПОЧТОЙ", или КАЗАНЬ, ГОСИЗДАТ РСФСР, „КНИГА—ПОЧТОЙ", или РОСТОВ н/Д., ГОСИЗДАТ, „КНИГА—ПОЧТОЙ", или САРАТОВ, ГОСИЗДАТ, „КНИГА—ПОЧТОЙ", а в пределах УКРАИНЫ — ХАРЬКОВ, ГОСИЗДАТ РСФСР, „КНИГА—ПОЧТОЙ" высылают КНИГИ ВСЕХ ИЗДАТЕЛЬСТВ, имеющиеся на книжном рынке, немедленно по получении заказа почтовыми посылками или бандеролью наложенным платежом. При высылке всей стоимости вперед—пересылка бесплатно.

40396